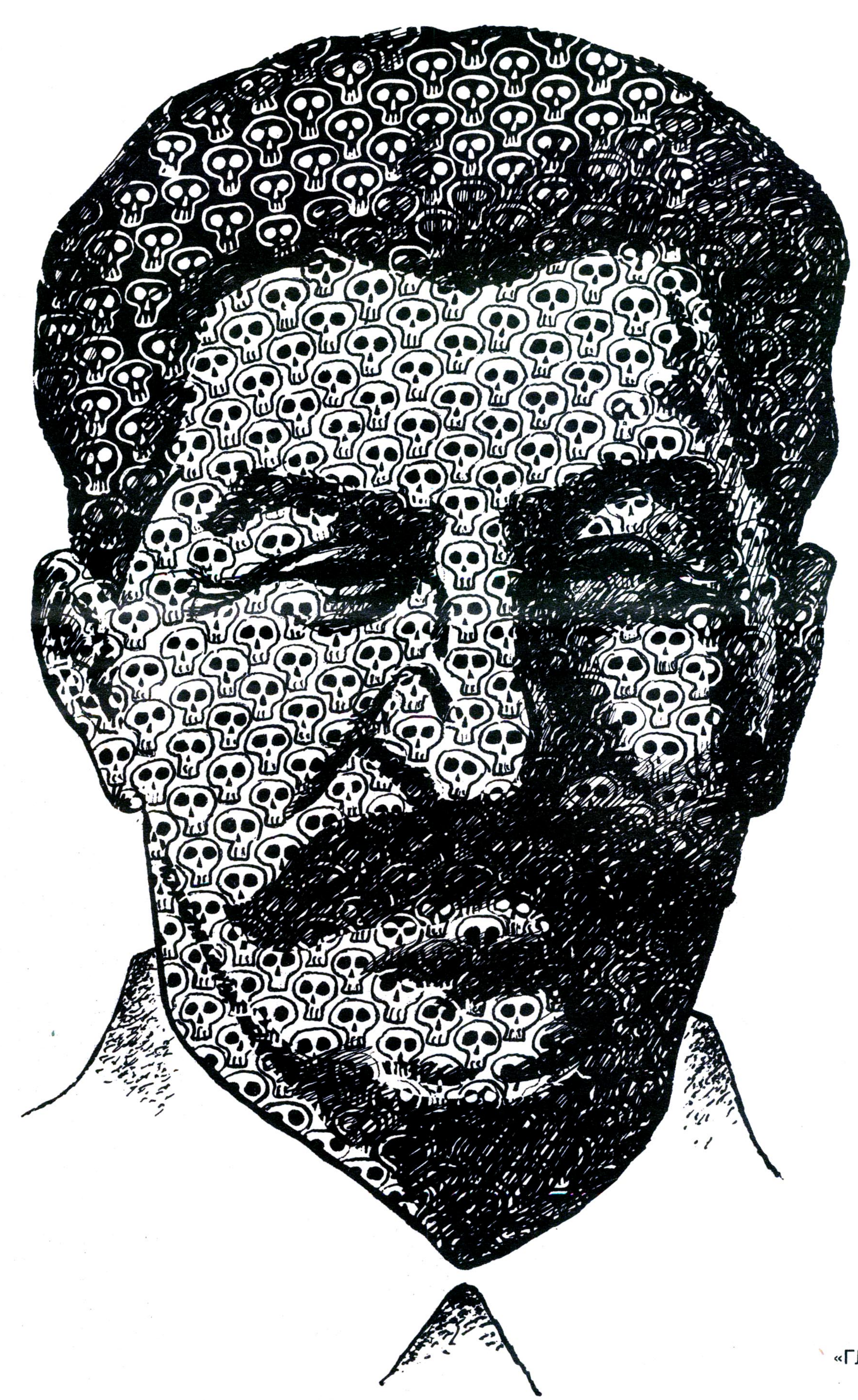
КРОКОДИЛ
ISSN 0130-2671
№ 35 ДЕКАБРЬ 1989

А. ШТАБЕЛЬ, г. Уфа.
На конкурс
«ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ТЕНЬ..

СТАЛИН - НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ!

ТОСТ,

произнесенный Крокодилом по поводу 110-й годовщины со дня рождения И. В. Сталина

Дорогие читатели!
Уважаемые коллеги-сатирики!

Сегодня мы собрались пораньше, засветло, дабы не к ночи помянуть Иосифа Виссарионовича в связи с его круглой датой. Сами понимаете, мимо этого события я спокойно пройти не мог. Так как не всякий вправе похвастаться личным знакомством с Вождем Всех Народов. Я же — вправе. Зоркое его око ощущал на себе долгое, долгое время...

Первый наш весомый контакт произошел на пятом году моей жизни. Это был период свободной нэповской конкуренции — и не только в товарных отношениях, но и в сатирической журналистике. Помимо национальных сатирических журналов в союзных республиках, выходил целый ряд русскоязычных: «Крокодил», «Бегемот», «Смехач», «Бузотер», «Лапоть», «Безбожник», «Пушка», «Кипяток»... Кто-то из нас был похуже, кто-то получше, но дело шло, и сатирическая жизнь текла по своим естественным законам. Но вот в апреле 1927 года нас впервые одернули: Отдел печати ЦК ВКП(б) издал постановление «О сатирико-юмористических журналах», обвинив всех нас в мелкобуржуазности и отрыве от трудящихся масс. Как мы теперь знаем, страна была накануне «Великого перелома», и незабвенный Иосиф Виссарионович начинал «показывать зубки»...

Вслед за постановлением веселые журналы начали дохнуть, как мухи в первые заморозки... К 1933 году я уже возделывал сатирическую ниву в гордом одиночестве. Да и сам вскоре стал недосчитываться многих своих постоянных боевых рубрик и авторов. А когда в 1938-м с моей последней страницы исчезла подпись ответственного редактора Михаила Кольцова, то дальше ехать уже было некуда, и я разродился специальным номером, который явился откликом на отчетный доклад Сталина XVIII съезду партии. В программной статье сатирики призывались учиться у Отца народов, находить в его выступлениях темы для своих обличений...

Во время войны Ему было не до меня, всех нас занимали дела посерьезнее. Но уже в сентябре 1948 года на мою голову обрушилось новое постановление «О журнале «Крокодил», и не осталось на мне живого места (не только в переносном, но и в прямом смысле — перешерстились редколлегия, постоянные авторы и все рубрики). В числе прочих задач (борьба с рвачами, бюрократами и жуликами — естественно, на самом «низовом» уровне) мне вменялось в обязанность — цитирую: «...подвергать критике буржуазную культуру Запада, показывая ее идейное ничтожество и вырождение». Естественно, наши солдаты, вернувшиеся из освобожденной Европы, могли подумать, что тамошний уровень культуры не так уж и низок, надо было наставлять их на путь истинный. При этом скромно умалчивались слова Ленина, что пролетарская культура должна вобрать в себя все лучшее, что создано человечеством...

Но Иосифу Виссарионовичу (и Андрею Александровичу Жданову, естественно) одного постановления показалось мало. Разделавшись с Анной Ахматовой и моим любимцем (а в годы войны — недолго — и моим соредактором) Михаилом Зощенко, они вновь изрядно на мне потанцевали, издав в сентябре 1951 года постановление «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения». Процитирую и оттуда одну фразу, чтобы вам стало ясно, чем же я вызвал высочайшее неудовольствие: «Нередко в «Крокодиле» единичные отрицательные факты выдаются за общие недостатки государственных, профсоюзных и других организаций, что создает у читателей неправильное представление о работе этих организаций». (Никаких сообщений! Боже упаси! Даже притом, что выше управдома я в своей критике тогда редко смел подняться. Значит, все-таки видел во мне Сталин нечто потенциально опасное для созданной им системы и для себя лично, если не давал опомниться от постановлений, жучил и жучил...)

Но вот, как говорится, ушел в мир иной «Черный Человек» Коба, и во времена хрущевской оттепели мне удалось слегка продышаться. Но тут опять ударили холода, вслед за чем, по крокодильским физиологическим законам, я впал в анабиоз, пробавляясь мелочами, выпуская радужные номера к праздничным датам и открытиям съездов, которые в те годы выглядели большими костюмированными шоу... Нет, справедливости ради могу сказать, что иногда я вдруг пробуждался и выдавал отдельные злые материальчики (во все времена были у нас истинные рыцари сатиры), после которых незамедлительно получал по башке и вновь почитал за лучшее задремывать...

Короче говоря, с грустью могу констатировать: с легкой руки Иосифа Виссарионовича я превратился в винтик огромной Административно-Командной машины. И мои «заслуги» в деле шельмования троцкистско-зиновьевско-бухаринских изменников, вредителей, отравителей и космополитов, как это ни прискорбно, весомы. О чем, раскаиваясь, и заявляю со всей крокодильской прямотой, хотя и несладко мне это делать. Что ж, время у нас сегодня такое — надо говорить правду.

Кто-то, может быть, скажет: что это Крокодил разохался? Пусть и пребывал он зачастую в полуобморочном состоянии от постоянных взнузданий, но существовал, ершился, взбрыкивал, тянул свой нелегкий воз, работал, пользовался всенародной известностью. Многие чинуши и жулики его боялись, а читатели любили, видели в нем заступника... Что ж, мой персональный «мартиролог» действительно не столь внушителен, как списки общества «Мемориал», но все же, все же... Считаю, что и моя судьба — капля в общем водопаде судеб, и в ней отразились многие типичные стороны той действительности — и трагическое, и героическое, и печальное, и комичное...

Разрешите, дорогие друзья, на сем завершить свой псевдопраздничный тост и предложить вам прочесть мой сегодняшний номер, выпущенный к 110-летию Сталина. В нем я постарался с разных точек зрения осветить тему «Крокодильцы и сталинщина» — от момента моего появления на свет и до дней сегодняшних. Ибо сталинщина во многих видах, увы, необычайно живуча. И сама по себе она не уйдет. Так что читайте, смотрите, делайте выводы...

И не буду нарушать традицию: тосты положено говорить или за здравие, или (на поминках) за упокой. Я сегодня, несмотря на день рождения, выбираю второе. Упокоим общими усилиями сталинщину. Да сгинет она навсегда из нашей жизни. Пусть земля ей не покажется пухом.

Будем здоровы!

...СПАСИБО ВАМ, Я ГРЕЮСЬ У КОСТРА...

Возможно ли, чтобы хоть одно повеление Вождя и Учителя не было выполнено? Да, оказывается, было такое исключение из правил и оно впрямую касалось «Крокодила».

ВЫСОЧАЙШЕЕ ЗАДАНИЕ

Отчетный доклад XIX съезду партии (октябрь 1952 года) Сталин поручил сделать секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову.

Докладчик, в частности, сказал:

«В своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе... и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порожденных капитализмом. Между тем в нашей советской беллетристике, драматургии, так же, как и в кинематографии, до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатира. Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед».

Хотя о малых жанрах сатиры — видимо, как раз из-за их малости — в докладе упомянуто не было, однако сказанное, конечно, вполне относилось и к ним. То есть — к периодической печати, а стало быть, к «Крокодилу». Кто же, в самом деле, мог бы оперативнее всех откликнуться на данную директиву, как не легкие на подъем мастера сатирической публицистики? Тем более что еще за год до съезда, а именно 28 сентября 1951 года, постановлением ЦК ВКП(б) «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения» крокодильцам уже было сурово указано на то, что «журнал слабо выполняет задачу борьбы с пережитками капитализма в сознании советских людей».

Сомнений в том, что спецзаказ на Гоголей и Щедриных спущен Вышевсехстоящим, ни у кого не возникало. Хотя бы уж потому, что отчетный доклад был, разумеется, утвержден им самим до последней запятой. Вспоминали, кстати, довоенные выступления Сталина, в которых всякого рода «враги народа» испепелялись с помощью отрицательных литературных образов, созданных этими великими сатириками.

«Нам Гоголи и Щедрины нужны!» — зазвучало наперебой в газетных передовицах и на творческих собраниях. Зазвучало не менее настойчиво, чем, например, «Дадим что-нибудь сверх плана!». Публика насторожилась и затаила дух в ожидании скорого явления Николаев Васильевичей и Михаилов Евграфовичей народу...

За многие десятилетия **критики только сверху вниз,** на службе коей до недавних пор (хотя, правда, и не всегда безропотно) состоял «Крокодил», мы напрочь извратили само понятие «сатирика». Мы словно бы забыли, что он **обязан** быть вечным возмутителем спокойствия, неусмиряемым бунтарем, верховным обличителем; что именно это — его **профессия,** за это ему, как говорится, и деньги платят; забыли, короче, что сатирик — санитар общества.

Поэтому сам по себе клич «Даешь Гоголей и Щедриных!» годится для любого времени. В том числе — уж конечно же! — и для того, о котором идет речь.

Но, увы!.. Не вырисовывались окрест фигуры пробудившихся, «мобилизованных и призванных» ювеналов, поспешающих на сатирический Олимп, и чудилось даже: чем повелительнее громыхал призыв, тем заметнее остывал профессиональный «боевой пыл»...

А ведь, казалось бы, пиши — не хочу: «отрицательного, прогнившего, омертвевшего» хватало с избытком. Но едва перо новоявленного советского Гоголя (Щедрина и т. д.) тянулось к бумаге, чтобы хоть намекнуть, скажем, на гнилую всеохватную подозрительность или омертвелую бюрократическую казенщину, как вдруг неведомая сила сковывала руку на полпути к чернильнице и перед мысленным взором сатирика вырастал смутный силуэт некоей кряжистой фигуры, бренчащей связкой ключей. И почти явственно доносился тот же лозунг, но уже с другим акцентом:

«**Нам** Гоголи и Щедрины нужны!»

И всплывали из небытия иные лица — Михаила Кольцова, Остапа Вишни, Константина Ротова и других славных сатириков, знакомых с означенной фигурой не понаслышке... А в ушах начинали звенеть слова-гвозди из печально знаменитого постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года, распинающие Михаила Зощенко: «проповедь гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности... пошлый пасквиль... в уродливо-карикатурной форме... злостно хулиганское изображение... антисоветские выпады... омерзительная вещь... клеветнические выступления...» (С каким облегчением узнали мы недавно об отмене этого постановления!)

И перо как бы само собою выписывало что-то совсем в другом духе. К примеру, прозой:

«Дружба народов несокрушима потому, что ее выковал и пестует гениальный вождь и друг, надежда и радость, совесть и знамя трудящихся всего мира — великий Сталин». («Крокодил» № 30, 1952).

Или нечто в стихах:

В знойной пустыне — сады и леса.
Вольные люди творят чудеса.
Вишни и яблони в каждом селе.
Рай не на небе, а тут, на земле!
Где это видано? Где это слыхано?
Знает любой: на Советской земле!
(«Крокодил» № 4, 1953).

Так пышно — и пышнее даже, чем прежде! — расцветали после съезда в крокодильской оранжерее эти диковинные «сатирические» розы без шипов. Диковинные потому, что еще никто испокон веков не додумывался требовать и ожидать от сатирика елейно-приторного восхваления существующего порядка (а тем паче беспорядка). Даже самым безжалостным деспотам не приходило в голову домогаться от своих придворных шутов льстивых комплиментов...

Листая страницы «Крокодила» начала пятидесятых, вспоминаю наши дипломатические изощрения (а я проработал в редакции с 1951 по 1987 год). К рисункам — предупредительные эпиграфы типа: «В отдельных районах некоторые руководители порой все еще не принимают мер к единичным фактам халатного отношения...» и т. д. Ну что сказал бы по этому поводу Козьма Прутков? Ясно, он сказал бы: «Бди!»

Или, открывая каждый очередной номер, вижу «боевую передовицу»; мы писали их по очереди от имени Крокодила под шапками: «Прошу слова!..», «Письмо из редакции», «Еще кланяемся!..» Адресовали такое обращение лично (мороз по коже!) тому или другому Большому Начальнику, скажем, министру, ну, а уж повод всегда находили весомый: почему-де у вас целых три вагона стояли в таком-то тупике неразгруженные? А знаете ли вы, что такой-то завод вашего ведомства недослал две тонны металлолома? Да не пора ли директору вашего такого-то торга влепить выговор — и не простой, а желательно строгий? Вот я вас ужо вилами!..

Но не хватались за сердце большие начальники, завидев свою фамилию в передовице. Не возникал нервный тик, к примеру, у замминистра рыбной промышленности СССР, когда он читал обращенную к нему филиппику: отчего, мол, кое-где в общежитиях рыбаков не хватает тумбочек и кипятильников?! Ибо вилы крокодиловы только в инвентарной описи числились железными, а на самом-то деле были деликатно эластичны, ну, точно из латекса. Потому и обращение к рыбному замминистру венчалось учтивым реверансом:

«Засим примите мои заверения в совершенном почтении.

С искренним пожеланием хорошего улова кланяется вам Крокодил».

Чего ж можно было ожидать от такой сатиры? Под торжествующей рубрикой «Крокодил помог» с ликованием оглашалось на весь белый свет: каблук-де гр-ну А. наконец-то подбили, а унитаз гр-на Б. опять, слава богу, в строю... И подобное того же масштаба.

Мелковато? Конечно, для всесоюзного сатирического журнала не слишком весомо, но такие были времена, и даже подобная «борьба в защиту маленького человека» давала свои плоды, приносила пользу, по-своему очищала общество, добавляла авторитета нашему изданию. И если вдуматься, с чего было руководителям Административной Системы выносить два специальных постановления по «Крокодилу» с интервалом в 3 года? Значит, несмотря на стрельбу по «отдельным» «негативным фактикам», сильно он их тревожил!..

Но вернемся к сталинской директиве.

Любознательный читатель может, сдунув пыль с комплектов «Крокодила» тех лет, а также бегло обозрев литературно-театрально-киношно-эстрадные новинки того времени, убедиться: нет, не замаячили тогда на нашем горизонте даже тени великих сатириков.

Сталинская директива не сработала. Добровольцев не сыскалось. Высочайше санкционированное задание было сорвано.

И повинна в этом провале оказалась система страха, каковую выстроил сам же автор директивы.

Может быть, единственным долетевшим до наших дней отзвуком той давней, шумной, но по сути мертворожденной кампании по «оргнабору» советских Гоголей и Щедриных осталась эпиграмма поэта-крокодильца Юрия Благова, опубликованная в № 12 журнала за 1953 год:

ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК
Я — за смех! Но нам нужны
Подобрее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...

Впрочем, под «осторожным критиком» читатель мог разуметь и кое-кого рангом повыше. И даже Того Самого, Который к тому времени уже отбыл в мир иной.

Но в чем секрет долгожительства этой эпиграммы? Не в том ли, что «осторожные критики» не перевелись еще в нашем отечестве и по сей день?

А. ВИХРЕВ.

Оформление В. ПОЛУХИНА.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ЕЖОВЫХ РУКАВИЦАХ»

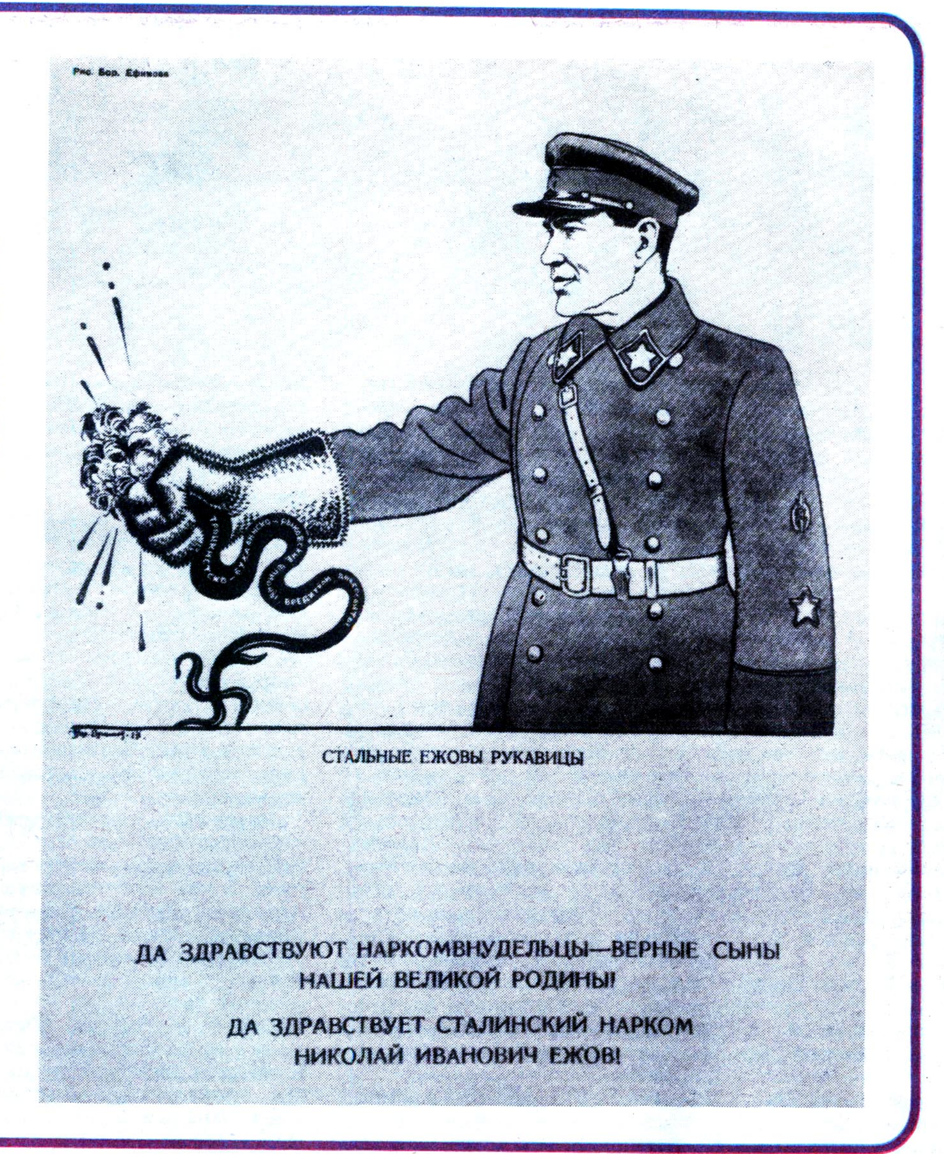
Старожилы, как известно, славятся тем, что обязательно чего-то «не запомнят». Однако бывают и отдельные исключения. Например, имея бесспорные основания считать себя крокодильским старожилом, я очень хорошо запомнил появление на страницах нашего журнала пресловутых «ежовых рукавиц».

И прежде всего тут надо вспомнить, как помпезно и шумно было обставлено назначение секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова народным комиссаром внутренних дел, превращенное в своего рода всенародное торжество. Помню, какая волна отлично организованного энтузиазма прокатилась по московским предприятиям, учреждениям, организациям и, в частности, редакциям. На многолюдных собраниях и митингах ораторы состязались в славословиях по адресу «посланца партии», «сталинского наркома», «несгибаемого борца с врагами народа». Никто не знал, что восторженно прославляемый «посланец» несет с собой ужас «ежовщины». Это страшное понятие тогда еще не родилось. Напротив, всем очень нравилась даже фамилия нового главы НКВД. Она так здорово сочеталась с исконным русским присловьем «держать в ежовых рукавицах», что нескольких редакторов одновременно осенила идея соответствующего «дружеского шаржа».

До последнего времени не перевелись охотники попрекать этими злосчастными «рукавицами». Что ж, не спорю — грешен. Может быть, не стоит об этом вспоминать? Нет, стоит. Мне думается, что мы, старожилы, не вправе хранить гордое молчание, даже если речь заходит о таком, о чем вспоминать не хочется, неприятно, досадно, стыдно. Но зато поучительно: не следует, очевидно, забывать о коварных свойствах политической карикатуры, которая выглядит подчас остроумной и удачной при одних обстоятельствах и становится позорной, когда мы совершенно другими глазами смотрим на события прошлого.

Но что было, то было. Не должно быть никаких «белых пятен» в нашей истории и, в частности, в истории «Крокодила». А «ежовы рукавицы» и другие подобные карикатуры являются своеобразными историческими документами, сохраняющими характерные приметы времени, в котором рядом с героическим было столько жестокого, нелепого и подлого.

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР.

СТАЛЬНЫЕ ЕЖОВЫ РУКАВИЦЫ

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НАРКОМВНУДЕЛЬЦЫ—ВЕРНЫЕ СЫНЫ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕЖОВ!

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

СТРАННО И СТРАШНО

Получив очередной «Крокодил» № 19, на стр. 3 увидел странный рисунок о «странном новорожденном» (худ. Р. Самойлов) и удивился, где же мог появиться этот «младенец»?

Кто же его «мать»? Если Н. Андреева, так он уже должен был вырасти, ему больше года. Неужели еще сегодня есть такие «родители»?

Через пару дней после этого пошел в кино, посмотрел фильм «Я служил в охране Сталина» («Ленфильм») и убедился: да, прав Р. Самойлов! В течение почти полутора часов нам показывали, какой добрый, сердечный («он узнавал нас по голосам»), человеколюбивый и уважительный («подвез людей, стоявших на остановке автобуса») и т. д. был Сталин. И как герой картины — майор госбезопасности в отставке — был доволен «доброжелателями», которые оповещали органы «о злых намерениях граждан». Миллионы спецпереселенцев из Прибалтики, с Украины, Кавказа, а до этого — из всех районов страны, миллионы погибших от голода в 1932—1933 гг. и в лагерях, не говоря уж о войнах (финской и Великой Отечественной),— это ничто, так, «прошедшее время». В конце картины рассказчик с экрана прямо заявляет: «Да, нам нужна сильная рука»! И этот человек в настоящее время занимается воспитанием детей, учит музыке под команду «раз-два»!

Сегодня, когда мы увидели свет, выбираем дорогу к Храму, обрели голос, странно и страшно смотреть и видеть это...

В. КОРНИЛОВ,
член КПСС с 1941 года,
ветеран войны
и Вооруженных Сил,
пенсионер.
г. Киев.

Из книги исторических анекдотов Юрия Борева *

УРОК ГЛАСНОСТИ

В 1933 году Е. М. Весенин и другие журналисты «Крокодила» подготовили интересный материал, разоблачающий ротозейство руководящих должностных лиц. Журналисты специально организовали фиктивный трест «Главметеор», предупредив об этой мистификации органы ГПУ. Трест обрел печать «взамен утерянной» и был призван производить сбор металлолома из «обломков метеоритов», читать популярные лекции о заготовках металлов на основе предсказания места падения внеземных тел. Для выезжающих к этим местам членов далеких экспедиций были получены редкие в те годы патефоны и пластинки. Все бумаги треста подписывал его руководитель с характерным именем О. Бендер. Столь же заметные фамилии носили и другие работники этого учреждения — Коробочка, Хлестаков, Собакевич. Взрослые дяди, завороженные официальными запросами на бланках с печатью, принимали это всерьез. Завершилась мистификация тем, что какой-то умный чиновник заподозрил обман. Но десятки начальников попались. Все они разоблачались «Крокодилом» как ротозеи и невежды, глупцы и головотяпы.

Фельетон получился очень смешным. Его передали в высшие инстанции. Все Политбюро очень смеялось, одобряло, но выпустить в свет без благословения Сталина никто не решался. Сталин же в это время отдыхал под Сочи. Послали материал к нему. Он посмотрел и сказал: «Какая страшная Россия». Печатать не велел. Однако приказал наказать опростоволосившихся начальников.

ИЛЬИНСКИЙ О ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧЕ СО СТАЛИНЫМ

Это было в конце 1952 года. Я был приглашен на концерт, посвященный окончанию работы XIX съезда партии. Все шло хорошо и привычно. Выступал Краснознаменный ансамбль песни и пляски. Я видел, что Сталину нравится это выступление. Но вот от стола, за которым сидело правительство, отделился Ворошилов, поспешно пошел к руководителю ансамбля Александрову и передал ему просьбу Сталина сыграть «Яблочко». Зазвучал знакомый мотив. Сталин поднялся из-за стола, подошел к дирижеру и встал рядом с ним. Заложив руку за френч, Сталин выпрямился и начал петь, а Александров дал знак оркестру играть тихо, чтобы слышен был негромкий, надтреснутый, старческий голос исполнителя:

Эх, яблочко, куда ко́тишься,
В Губчека попадешь —
Не воротишься,
В Губчека попадешь —
Не воротишься...

Меня охватил ужас. Мне показалось, что Сталин опрометчиво вышел из образа вождя, но скоро опомнится и не простит свою оплошность никому из присутствующих. Я на цыпочках, боком вышел из зала и уехал домой.

См. стр. 7. ▶

* Выходит в издательстве «Книга» в 1990 году.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭПОХУ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Крокодил обнаружил удивительный архивный материал

Имя Анатолия Федоровича Кони (1844—1927) не нуждается в особом представлении. Выдающийся общественный деятель, знаменитый юрист, писатель. Его личный фонд в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР содержит тысячи документов. Часть этого наследия до недавнего времени находилась на секретном хранении. В основном это материалы 1917—1927 годов; сегодня стало возможным опубликовать один из них— тот, который А.Ф. Кони хранил как своеобразный литературный памятник эпохи военного коммунизма, эпохи, которая дала Сталину столько образцов для подражания. После смерти А.Ф. Кони из этого «литпамятника» было сформировано отдельное архивное дело с грифом секретности и характерным названием: «Стихотворение «Крестьяне». Написано малограмотным человеком с кулацкими антисоветскими взглядами. Начато— 1918 г., окончено— 1919 г.»*

Автор стихотворения неизвестен. Ясно лишь, что это очевидец событий первых послереволюционных лет.

Мы приводим эти стихи с небольшими сокращениями, не изменив в них ни строчки и лишь подвергнув необходимой грамматической редактуре.

КРЕСТЬЯНЕ

Придешь в деревню русскую
и глянешь на народ —
живет он, бедный, мается,
ярмо нужды несет.

Как предки первобытные
крестьяне все живут
и песенки веселые
теперь уж не поют.

Умолкла Русь великая,
от войн изнемогла,
и слышна речь печальная:
«Да здравствует борьба...»

Однажды как-то вечером
селом я проходил.
Крестьянский спор и шум большой
меня остановил.

И я услышал жалобу:
«Настали времена:
мы все умрем от голода,
зачем эта война?

Зачем народ так мучают,
покоя не дают?
Настали дни тяжелые,
к чему-то нас ведут?» —

твердят жена Игнатова
и сын ее Федот,
Маринушка Ипатова
и дедушка Нефед.

«Должно быть, Бог обиделся,
за грех нас наказал! —
Нефед взглянул вверх на́ небо
и пальцем показал. <...>

«И нет, неправда, дедушка! —
ответил сын Федот.—
Не Бог людей так мучает,
не он войну дает.

Войну ведут богатые,
зажиточный народ,
она им служит пользою,
как крупповский завод; <...>

такой завод в Германии,
и я в нем побывал —
когда меня поранили,
я в плен туда попал.

Работал за полфунтика,
за хлебушко сухой.
Замучили, проклятые,
с тех пор вот и больной». <...>

Спустя немного времени
еще к ним подошли
Семен, Лука, Трофим, Фома
и братья-бобыли.

«Чего шумите-спорите?» —
Семен им прокричал.
«Да вот, Федот незнаючи
богатых обвинял...»

«При чем же тут богатые? —
всерьез сказал Лука.—
Ведь мы теперь свободные,
живем как никогда.

Мы власть свою устроили,
прогнали богачей...
Живем, страдая, мучимся,
не видим светлых дней!

Поедешь в Малороссию,
чтоб хлебушка купить —
встречает заградительный,
давай тебя тузить!

Ты просишь, молишь, кланяясь:
товарищ, пропусти!
А он, подлец, с улыбкою
кричит тебе: «Молчи!

Ты едешь спекулировать,
а просишь «пощади».
Не хочешь ли, чтоб даром я
отдал тебе пуды?

Достань-ка вот мешочек свой
и взяточку мне дай,
потом бери свой хлебушко
и с Богом поезжай...»

«Товарищ, добрый, смилуйся,
Я дал уже двоим!
Теперь, клянусь, копейки нет,
мешочек стал пустым...»

И он рево́львер выхватил;
я так и задрожал!
Другой стоял — товарищ тож —
винтовку заряжал.

Ну, думаю, пропал теперь,
убьют еще гляди...
Эх ты, Лука Матвеевич,
не медли, уходи!

Сказал себе — и сделал так,
заплакал, зарыдал...
И ладно хоть лошадку-то
зверюка не отнял!

Домой приехал — дети все
голодные сидят:
«Приве́зли тятька хлебушка!» —
бегут ко мне, кричат.

А я от зла и жалости
готов себя убить;
а вас, детей повысохших,
чем буду я кормить?!

Когда нельзя продукт купить —
нельзя и продавать.
А можно лишь одно иметь —
свободно умирать.

Так вот она и наша власть,
Советская страна...
Разбита жизнь крестьянская
и голодом полна!»

Умолк Лука Матвеевич
и трубку закурил,
хватил в затяжку раза два
и дым кольцом пустил.

«Ну что, Федот, доволен ты,—
сказал ему Фома,—
что нам сейчас рассказывал
Матвеевич Лука?»

«Ну чем же тут довольным быть! —
сказал опять Федот.—
И разве власть советская
нас к гибели ведет?

Ведет нас власть к хорошему,
добра желает нам,
ведет людей к величию
по правильным стопам.

Но вот такие выходцы,
каких видал Лука,
частенько строят подлости,
терзают мужика.

Им взятки брать не велено,
и так же обижать,
всем сказано правителем
беднейшим помогать!»

«Чего ж они не слушают? —
сказал старик Семен.—
Аль есть какой особенный
у них такой Закон?»

«Какой такой особенный...
Закон у них один! —
сказал и сплюнул на землю
уж седенький Трофим.— <...>

Эх, все они без совести,
томят крещеный люд,
и правды-то сказать теперь
уж больше не дают.

Кричат везде: вы вольные,
свободные сыны!
А скажешь слово истины —
отведаешь тюрьмы.

Да что уж тут рассказывать...
Скорей бы умереть,
а больше так же мучиться —
на свет бы не глядеть!»

В архиве работал Рэм ПЕТРОВ.

* ЦГАОР СССР, ф. 564, оп. 1, д. 4041. Редакция благодарит Л. И. Тютюнник и других сотрудников ЦГАОР за помощь в подготовке публикации.

ИЗ МЕНЮ РЕСТОРАНА «ПРАГА» ОТ 1912 ГОДА:

Яичница Тюрбиго
Омлет О-финь-зербъ
Раки кокоть а-ля Кремъ
Сиги Вордолезъ
Шефруа из рябчиковъ
Салатъ изъ омаровъ и ершей
Супъ Тортю
Консоме Ришъ
Груша а-ля Кокъ...

ВЫ ЛЮБИТЕ СУП ТОРТЮ?

Крокодильские размышления у музея общественного питания

И так далее. Меню красуется под стеклом в музее общественного питания. Адрес — Москва, Б. Рогожский, дом 17. Именно здесь зримо представлен почтенный путь нашего общепита — от затейливых меню начала бурного XX века до... У большинства наших современников есть свое, язвенно-выстраданное мнение о нынешнем состоянии отечественных пищевкусовых дел, и музей на Б. Рогожском без лицемерия и прикрас экспонирует в конце осмотра восковые муляжи свекольных котлет под жидкой сметаной и как апофеоз благородного дела всенародного питания — восковые же чучела трех обезглавленных шпрот с четвертинкою лимона.

Но вот о чем не упоминается на стендах музея общественного питания Минторга СССР? Неужели сверхцентрализованный Всенарпит вовсе поглотил штучное поварское искусство? Спросите об этом старейшего сотрудника музея, Я. И. Магидова, и расскажет вам бывалый повар, что не утерял былой славы тот же ресторан «Прага» и в начале 30-х годов. В этом, например, могла убедиться верхушка московского партактива, регулярно питавшаяся там в эти времена с 13^{00} до 17^{00} и получавшая по символическим ценам на десерт свежеприготовленный зефир и воздушные, притопленные сливками самбуки. До сих пор помнит бывший повар 1-й категории ресторана «Прага» тот снежный цвет белого партактивного хлеба, который, увы, не доходил ни до рабочих, получавших по карточкам свой продминимум, ни тем более до миллионов умирающих от голода крестьян Украины. Вычищались следы нэпа, и питание общества уверенно развивалось двумя независимыми путями. Один — путь карточной системы, деревенского голода и музея общественного питания; другой — путь спецстоловых и вельможных трапез. Деликатесы дореволюционных и нэповских времен отныне стекались лишь в закрытые высокоответственные продуктовые склады. Бывший повар Наркомтяжпрома Н. В. Волчков может вспомнить, как приходилось ему приготовлять для вождей пролетариата образца 30-х годов бульоны с профитролями, филейчики из рябчиков и перепелов, персики в вине и груши в хересе... И если на званом обеде нес вахту либеральный энкавэдешник, то он позволял поварам через приотдернутую шторку взглянуть из кухни на товарищей Молотова, Калинина, Кагановича, шествовавших к «котлетам Марешаль[1] под соусом Беригюль». Строжайше запрещалось лицезреть лишь товарища Сталина. О его появлении возвещала сдавленная перекличка охранников — «...проезжает ворота...» «... подходит к парадному...».

[1] Это весьма просто — в филе цыпленка заверните бешамель, приготовленную из свежих трюфелей.

К концу 30-х все чаще гремели на особой даче в Крылатском приватные правительственные пиры, опустошавшие продовольственные запасы 12-й спецбазы на улице Разина. И лишь слабое, очень слабое веяние той сытой одышки мы вдруг ощутим в уже знакомом нам музее общепита: «13 сентября 1939 года. Выписка из приказа треста ресторанов: «Отметить, что комбинатом «Спорт» проведена большая работа по спецобслуживанию ряда политических кампаний...»

Только одно, пожалуй, обстоятельство мрачно объединяло два магистральных пути развития советского питания. Постановление ЦК ВКП(б) от 19 августа 1931 года призвало к «усилению контроля над общественным питанием с привлечением работников ГПУ». Эти доблестные работники фактически стали во главе и спецстоловых, и унылых гигантских фабрик-кухонь. Последние именовались «ростками коммунизма»; еда обобществлялась. В 1937 году вышел единый общепитовский Всесоюзный сборник рецептур с таблицами выходов (а его «духовный наследник», всесоюзный Сборник рецептур,— в 1981 году)...

В последнем зале музея на Большом Рогожском стоит макет линии для комплектования и отпуска комплексных обедов Люберецкого СКБ «Торгмаш».

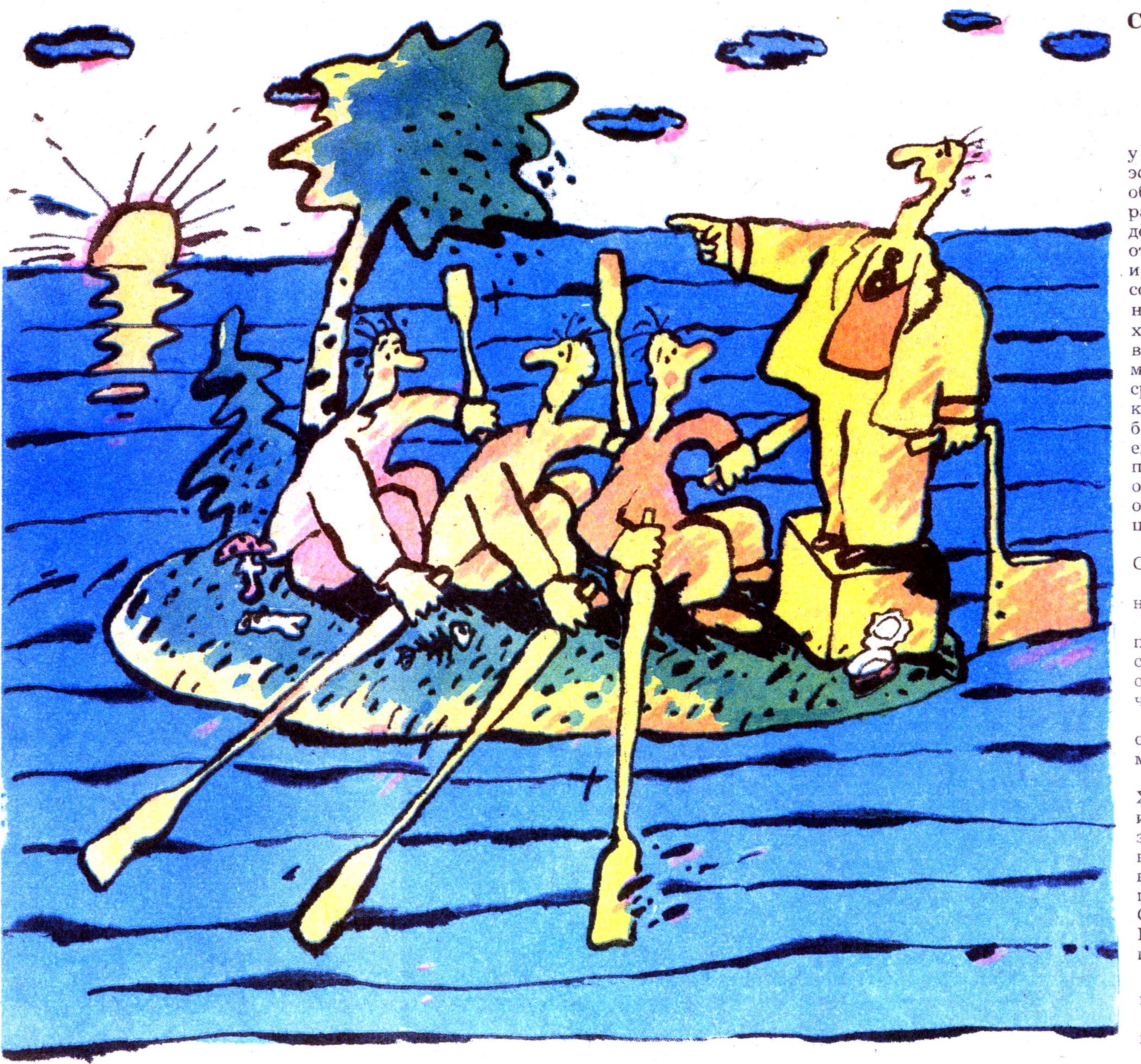
Повторю — это честный музей.

Музей Обобществленной Еды Тоталитарной Эпохи.

Р. ТАНИН.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

КРАТКИМ КУРСОМ!

В. ДМИТРЮК, В. МОХОВ (тема).

Со стр. 4.

ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА ВОЖДЬ?

Однажды в конце 30-х годов у Смирнова-Сокольского собрались эстрадные артисты. Один из гостей сообщил, что арестовали администратора Москонцерта Поздняка. Это был добрый, мягкий, деловой, совершенно отрешенный от политики человек, и поэтому все возроптали: мол, уж совершенно невозможно, чтобы Поздняк был врагом народа. Тогда расхрабрившийся хозяин дома, к ужасу всех присутствующих, позвонил какому-то начальнику НКВД и попросил срочно его принять. Смирнов-Сокольский был известный артист, и ему было разрешено немедленно приехать. Все отговаривали его от этой поездки, предсказывая самое худшее, однако отступать было поздно, и он отправился в учреждение, приводившее всех в ужас.

Принявшему его начальнику Смирнов-Сокольский сказал:

— Я уверен в невиновности Поздняка. Его арест — ошибка.

Начальник затребовал дело. Ему принесли папку, полную бумаг. Полистав дело, тщательно прикрывая его от глаз посетителя, начальник заключил:

— Все правильно. Поздняк арестован, так как он пытался скомпрометировать вождя.

Смирнов-Сокольский обмяк. Храбрость вышла из него, как воздух из проколотого мяча. Извинившись за беспокойство, он ушел. Когда он вернулся домой, гости облегченно вздохнули и стали наперебой расспрашивать, что же сказали в НКВД. Смирнов-Сокольский объяснил, что Поздняк арестован правильно: он пытался скомпрометировать вождя.

Тогда конферансье Гаркави удивленно спросил:

— Что же это за вождь, если его может скомпрометировать Поздняк?

См. стр. 15. ►

«СОЛОВЕЦКИЙ КРОКОДИЛ»

До своего посещения Соловков я имел об их истории смутное представление. Несколько дезориентировал и туристский буклет, изданный в 1987 году: цветные фотоснимки красот природы, отдельные исторические факты, восхваление созидательного труда русских людей, осваивавших острова. О двадцатых годах — одна строчка: «В 1928 году на островах разведена ондатра»...

И вот я на Соловках, и вот стою на горе Секирной и узнаю, что на этих склонах расстреливали заключенных, а там — в церкви Вознесения — пытали, а на строительстве дамбы — самом интересном объекте туристского маршрута «Кремль — остров Большая Муксалма» — людей использовали в качестве толкающей и тянущей силы, даже термин существовал — «человек-лошадь»...

Но главные сведения я почерпнул в музее. Здесь в июне нынешнего года открылась наконец первая в стране выставка, посвященная первым советским концентрационным лагерям. Ее авторами стали ленинградский художник Александр Баженов и фоторепортер, консультант фильма «Власть Соловецкая» Юрий Бродский.

Тем, кто, как и я раньше, ленты этой не видел, расскажу вкратце об истории местной «зоны». Соловецкие лагеря особого назначения (сокращенно — СЛОН) подчинялись ОГПУ и были им образованы в начале двадцатых на основе ранее существоваших северных лагерей — Партоминского, Холмогорского, Мудьюжского и Архангельского. Первые партии заключенных прибыли сюда 6 июня 1923 года.

Кто же томился тут (а по официальной терминологии — «перевоспитывался»)? Легче сказать, кого здесь не было! Вот весьма приблизительный перечень: чиновники царского правительства, бывшие офицерские чины, прокуроры, городские головы, представители всех российских политических партий, священнослужители, нэпманы, деятели науки, искусства и культуры, так называемые «вредители», троцкисты, бухаринцы и иные «уклонисты», «вычищенные» из партийного и государственного аппарата ответработники и члены их семей, чекисты «кировского набора», а после — из команд Ягоды и Ежова, прочие, прочие, это не считая уголовников, которые тоже тут были...

И все же до кровавого режима Воркуты, Колымы и Магадана 1937 года и позже Соловкам было относительно далеко. Тут еще существовали крохи кое-какого «либерализма», издавались газета и журнал, были свои театры... Театром первого отделения руководили Н. С. Борин и Б. А. Глубоковский — они ставили «Свадьбу Кречинского», «Ревизора», «Не все коту масленица». Другие два театра были больше похожи на агитколлективы синеблузников: ХЛАМ (художники, литераторы, актеры, музыканты) и СРАМ (союз работников анзерской музы). Существовал украинский хор. И даже отдельный хор из уголовников — «Свои». Было образовано Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения, взявшее под охрану архитектурные и исторические памятники на островах, велась соответствующая научная работа, даже научные труды выходили... В 1925 году открылись музей и биосад, позднее реорганизованный в питомник пушных зверей (вспомним ондатру из туристского буклета)...

И вот наконец я подхожу к главной части моего рассказа — к печатным изданиям. На Соловках выходили: еженедельная газета «Новые Соловки», ежемесячный журнал «Соловецкие острова» и стенная газета «Стукач». О последней ничего сказать не могу — экземпляры «Стукача» не сохранились. Но, судя по названию, жанр ее был, скорее, юмористический... Что же касается газеты и журнала, то в музее они выставлены, и могу констатировать: по своей структуре, направленности они практически не отличались от обычной прессы — партийная жизнь администрации СЛОН, репортажи, исторические очерки, фельетоны.

Здесь же, в музее, я и наткнулся на две ксерокопии первого (и, скорее всего, единственного) номера «Соловецкого Крокодила». Вышел он 13 сентября 1925 года и задумывался как регулярное приложение к «Новым Соловкам». Номер состоял из нескольких юмористических произведений — заметок, стихов, анекдотов, рисунков. Ниже вы прочтете некоторые из них, которые я переписал в свой блокнот. Никто из работников музея не смог сообщить мне каких-либо подробностей об издании «Соловецкого Крокодила». Поэтому обращаюсь к читателям: если кто знает, а может, и хранит его экземпляры, напишите нам, пришлите, если это возможно, фото- или ксерокопии.

Я же хочу завершить свой рассказ тем, чем и завершилась вся соловецкая «вольница»: осенью 1937 года сюда прибыла тройка УНКВД по Ленинградской области. Цель — пересмотр «политических» дел. Многим добавили сроки, многих расстреляли.

В 1938 году при лагере образован ВИОНЗ — Всесоюзный изолятор особого назначения закрытого типа. Резко ухудшается положение заключенных. СЛОН переименовывается в СТОН — Соловецкую тюрьму особого назначения (символичная аббревиатура, не так ли?). Тюрьма действовала до осени 1939-го и в системе ГУЛАГа числилась под номером один...

С. ПОЛЕВОЙ.

●

Лагкор! Соловецкий Крокодил ждет от тебя материалов на тех, кого страшит наш здоровый смех...

На рассвете пришел пароход,
Сдали письма двум Яшкам * в полон:
За работой встречает восход
Эта пара — цензура УСЛОН.
И за письмами спинушки гнут,
И ломают о письма графит.
Клонит нашу цензуру ко сну,
Штамп все реже и реже стучит...
Крокодил не всегда ведь зубаст,
Иногда и погладит хвостом:
Писем хруст, как под лыжами наст,
Раздается в молчаньи ночном.
Писем ворох, мешки и мешки,
За работой и отдыха нет...
Крокодильим хвостом Соловки
Цензорáм посылают привет...

* Подлинные имена цензоров СЛОН.

МНОГО ПОТЕРЯЕШЬ...

—Ты еще не подписался на газету «Новые Соловки»?

—Нет, а что?

—Много потеряешь. Знаешь...

—А что?! Досрочного не дадут, в нагрузку не попаду?

—Хуже. Газета выходит теперь с двумя приложениями — «Безбожником» и «Крокодилом». А «Крокодил»-то не маленький, в красках отпечатан будет. Цветной крокодилище, с зубами острыми. Нужно подписаться, брат, поскорее, не откладывая!..

—Была не была, «сто рублей— не деньги», а тем паче 26 копеек в месяц— дешевле грибов и пареной репы!

КРОКОДИЛ-ПАРИКМАХЕР

Сев на старое корыто, бритву точит Крокодил:
Очень много рож немытых
*у занесшихся «светил» * —*
Ждут комиссии повсюду, разговоры, топот, гам,
Моет грязную посуду Крокодил и тут и там.
Темы здорово стареют, но гляди, недалеко
Крокодил всех «звезд» побреет
новым смехом — номерком!

* Представители бывшей русской аристократии, сидевшие в лагере.

СОЛОВЕЦКИЙ СОННИК

● Видеть во сне электростанцию — ходить всю ночь впотьмах.

● Будучи плохим ротным, увидеть Кедрова * — к бессоннице, потере аппетита, спокойствию и т. д.

● То же — видеть Васькова ** — обязательно «казенный дом», постель без принадлежностей, «диетическое питание», горный санаторий в Секирах...

● Видеть хорошую погоду, только что устроившись в канцелярии,— к переводу на общие работы (баланы, торф, кирзавод).

● Видеть себя на берегу озера с хорошенькой из женбарака — к разлуке, сборам в дорогу (не дальнюю).

● Дезертировать с работ — получить неожиданное освобождение от них без печальных последствий...

* Кедров — начальник особого отдела ВЧК, один из организаторов Соловецких лагерей.

** Васьков — начальник административной части лагеря.

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ!..

Из мемуаров крокодильца-ветерана

Было это ровно сорок лет назад, в декабре 1949-го.

Вся страна в ту пору готовилась торжественно отмечать семидесятилетие «великого и любимого отца народов». Готовилась к этому выдающемуся событию и газета Прибалтийского военного округа «За Родину», где я подвизался в качестве нештатного автора литературного отдела.

Если сказать, что в редакции царила обычная суматоха, значит, ничего не сказать. Суматоха была чрезвычайной. Суетились все — от редактора-полковника до курьера. Духоподъемность чувствовалась во всем: и в том, как литсотрудники звонили по телефонам авторам, говоря загадочно: «Чтоб материал был на уровне — сам понимаешь, каком!»

Но вот, слава богу, разворот был с горем пополам сформирован, и макет доложили редактору.

Ответственный секретарь с трепетом ждал полковничье «добро». Однако тот медлил.

— Нет,— сказал наконец редактор,— чего-то тут не хватает. Чего-то такого,— он щелкнул пальцами,— понял?

Секретарь не понял, но подтвердил, что да, действительно чего-то не хватает.

— Стихов? — предположил секретарь.

— Во-во,— обрадовался редактор,— именно стихов. Таких, знаешь, величественных и торжественных. Сообразно дате.

И тогда один из литсотрудников был срочно командирован на второй этаж в редакционную библиотеку на предмет подыскания величественных стихов сообразно дате.

Бедняга перерыл всю библиотеку, но стихи попадались всем известные, в основном песни типа «О Сталине мудром, родном и любимом» и т. п. А надо было неизвестные, редкие.

И тут ему попалась под руку большая, роскошно изданная книга «Письма народов СССР товарищу Сталину». Литсотрудник стал лихорадочно листать ее и остановился на «Письме калмыцкого народа товарищу Сталину».

Стихи были замечательные. Вождь народов там сравнивался с горным орлом, который зорко видит все, а также с солнцем, согревающим своим теплом все нации, народы и народности нашей великой страны. Далее говорилось, что под солнцем сталинской Конституции калмыцкий народ обрел свое счастье, поднявшись к невиданным доселе высотам благоденствия и процветания.

«Письмо калмыцкого народа» было немедленно заверстано в самый центр разворота, набрано жирным шрифтом и обведено узорной рамкой. Сообразно значению и дате.

Редакция суетилась допоздна (тогда газеты печатались до глубокой ночи), а утром, едва забрезжил рассвет и засветились окна в домах Риги, разразилась гроза.

Начальник политуправления кричал в телефон редактору в приступе страшного гнева и не выбирая парламентских выражений:

— Да вы что, трах-тарарах! С ума там все посходили, тара-рам-там-там!! Какой еще к дьяволу калмыцкий народ?! Откуда он пишет — из Сибири, что ли!!!

Редактор, бледный, как газетная бумага, потерял дар речи. Ну как же он, идиот несчастный, забыл, что теперь никакого калмыцкого народа как бы нет и в помине?! Взяли изданную до войны книгу и бахнули стишки! «Под солнцем сталинской Конституции... обрел счастье...»

Калмыцкая АССР была восстановлена лишь после смерти Сталина. Был реабилитирован также и весь калмыцкий народ. Реабилитировали ли тех, кто так неосторожно продемонстрировал свою безответную любовь к «отцу народов» в газете «За Родину», я, к сожалению, не знаю...

Юрий БОРИН.

ВЕРХ–КОЛОНО́К, НИЗ–БЕЛКА...

От знакомых услышали: есть такой старый портной, Юрий Дмитриевич Ефремов, шил мундир самому Сталину. Мы подумали: может быть, пригодится для нашего номера? Стали разыскивать, нашли, встретились. Но рассказал он не совсем то, чего мы ожидали... Впрочем, все равно занятно!

«...Это было в начале марта 1953 года. Работал я на Фрунзенской набережной в военном ателье. Приходят закройщик и начальник ателье, полковник. «Срочная работа!» Срочность оказалась особая — сшить надо было к утру. И не что-нибудь, а целый костюм. «Кому — сами понимаете». И мы с напарником поняли. Он шил брюки цвета хаки, с лампасами — они что у генерала, что у маршала одинаковые. А я — китель, по всем правилам, как раньше носили. Но... почему-то без подкладки! Дали нам задание — и оставили на всю ночь вдвоем. Заперли в полуподвальном помещении. Две швейные машинки оставили, утюг и ведро — в уборную, сами понимаете, не выйдешь. Около семи утра мы все закончили. Вскоре нас отперли. Оказывается, уже приехали — маршалы Бирюзов, Баграмян, Москаленко. Мы вышли — они все стоят, все с телохранителями. Я передал им на вешалке костюм. Вот и все. А получка подошла, мы получили по сто тридцать шесть рублей за сверхурочную работу. Потом я три раза был в Мавзолее. Заходишь, спускаешься — по-моему, направо лежал Сталин. В том самом кителе...

А в 1961 году я шил Кагановичу, уже после того, как Хрущев его раскритиковал. Я работал уже в гражданском ателье, на Третьей Фрунзенской. Заходит ко мне заведующий — он, кстати, бывший начальник лагеря, шить там научился, но за большие вещи не берется — и говорит: «Там Каганович пришел, Лазарь Моисеевич, хочет поговорить». Я выхожу, вижу — сидит старик, с палочкой, в очках. «Здрасьте».— «Здрасьте».— «Я — Лазарь Моисеевич».— «Очень приятно». Спросил, до какого времени я работаю. «До пяти»,— говорю. «Зайдите после работы ко мне, дом пятьдесят два, шестой подъезд, шестой этаж». Рядом с ателье. Просит посмотреть его шубу — верх колонок, низ белка. Я согласился...

Прихожу я к нему, кухня метров восемь, стол посредине, зеркало небольшое в рамочке и полочка перед зеркалом. Выносит шубу, говорит, что надо отреставрировать... Ладно, забрал я работу, сказал — посмотрю. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху занимать — у той нету, у того нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я,— говорю,— шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу восемьдесят рублей возьму. Нельзя ли аванс?» «Знаете что,— говорит,— из меня врага народа сделали, я пенсию семьдесят шесть рублей получаю...» В конце концов с ценой согласился, но аванса не дал. Ну, а когда я сделал, принес ему, он меня усадил, работу принял и вышел. Я сижу тихо, смотрю на дверь. А у него в двери стекло такое дутое, я потом специально посмотрел — он из своей комнаты меня хорошо видит, а я со своей стороны — только тень смутную за стеклом. Шелестел-шелестел за дверью — выносит... пятьдесят рублей, двадцать пять и пятерку, все новенькие. На том и распрощались»

Записали Н. ГРАЧЕВА, М. ШЕХОВЦОВ.

Виктор КОРКИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ПАРАТРАГЕДИИ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, или Я бедный Сосо Джугашвили

БЕЗ ПЬЕДЕСТАЛА

Издательство «Московский рабочий» затеяло выпуск серии «Анонс» — произведения литераторов, чьи имена до последнего времени были «широко известны в узких кругах». И первой книжкой цикла стала пьеса Виктора Коркия «Черный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили» — сатирическая комедия (хотя автор и назвал ее «паратрагедией»). Считая это немалым событием «в нашем цехе», Крокодил задал поэту-драматургу главный вопрос:

— Виктор, что ты хотел сказать зрителям своей, не побоюсь крепкого словца, фантасмагорией?

— Пусть каждый зритель — а пьеса идет сейчас в Студенческом театре МГУ и многих других театрах страны — решает сам. Если пьеса без загадки, это плохая пьеса.

— Ну, хорошо, ответь по крайней мере, что́ тобой двигало, когда ты садился за стол?

— Я подумал: не превращается ли Сталин из героя со знаком «плюс» в героя же, но со знаком «минус»? В этакого Гения Злодейства? Не пора ли низвести его и с этого пьедестала? В сущности, он смешон и жалок в своей псевдореволюционной демагогии...

— Говорят, ты постоянно дописываешь «актуальные» куски?

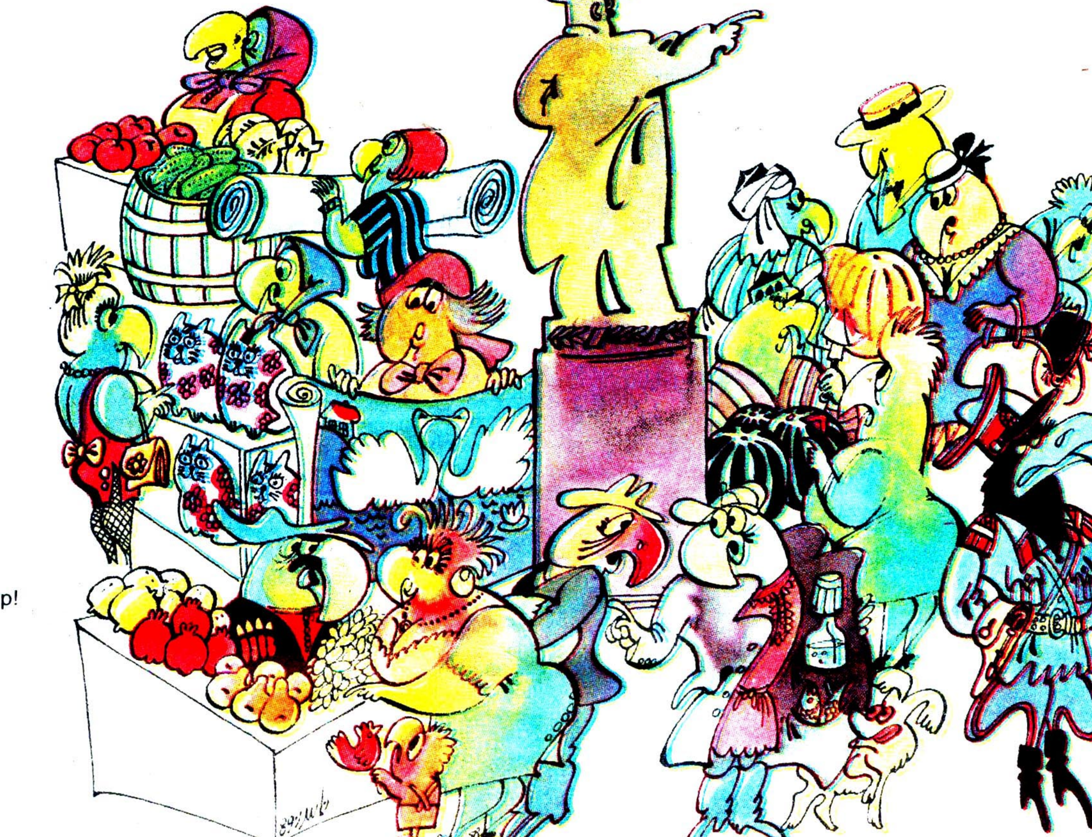
— Да, стараюсь поспевать за событиями. Вольный сюжет пьесы позволяет это делать.

Крокодил публикует отрывки из 2-го действия «паратрагедии», которые (отрывки) дают представление как о стиле автора, так и о характере этой сатиры в целом.

Сцена 3

Входят актеры, играющие Сталина и Берия.

ПЕРВЫЙ
Продолжим наши игры, друг Лаврентий!
ВТОРОЙ
Мне надоела роль моя. Давай
ролями поменяемся. Я Сталин,
ты Берия.
ПЕРВЫЙ
Зачем?
ВТОРОЙ
Закон театра —
игра. И я хочу сыграть тебя,
играющего роль Вождя Народов.
ПЕРВЫЙ
Зачем — не понимаю. Я не ты,
а ты не я, и Берия не Сталин.
ВТОРОЙ
Так ведь и ты не Сталин.
ПЕРВЫЙ
Как и ты
не Берия.
ВТОРОЙ
Я здесь, товарищ Сталин!
ПЕРВЫЙ
Театр не балаган. В нем должен быть
какой-то смысл.
ВТОРОЙ
В нем должен быть театр!
Игра и тайна!.. Тайна, тайна, тайна!..
...Напомнить разреши, товарищ Сталин,
нам режиссер отнюдь не запрещал
ролями поменяться. Каждый хочет
роль Сталина сыграть. И я хочу.
Прошу, как брата.
ПЕРВЫЙ
Нет, не вижу смысла.
ВТОРОЙ
Товарищ Сталин, ты искусствовед?
Ты критик? Пусть они о смысле спорят.
Пусть зрители подумают, зачем
актеры поменялись вдруг ролями.
На крайний случай есть министр культуры.
Уж он-то смысл, я думаю, найдет.
ПЕРВЫЙ
По-твоему, найдет?
ВТОРОЙ
Не сомневаюсь.
А не найдет — какой же он министр!
ПЕРВЫЙ
Ты начинаешь рассуждать, как Сталин,
ты Черный человек, клянусь тебе!
ВТОРОЙ
Я — Берия, а не министр культуры!
ПЕРВЫЙ
Запомни, друг Лаврентий: в мире много
таких, что не дают себе отчета,
чью роль играют, чью хотят сыграть
и для чего меняются ролями!..
ВТОРОЙ
А может быть, и Берия, и Сталин
сидят здесь... в темном зале... среди нас...
А кто они?.. Все тайна... тайна... тайна...

Сцена 4

Полная темнота. Метроном. Освещается сфинкс. На голове Сталина сидит Попугай.

СТАЛИН
(из темноты)
Лаврентий, эту пьесу запретить!
ПОПУГАЙ
Лаврентий, эту пьесу запретить!
БЕРИЯ
(из темноты)
Ки, батоно! Я здесь, товарищ Сталин!
СТАЛИН
Лаврентий, кто у нас министр культуры?
ПОПУГАЙ
Лаврентий, ты у них министр культуры?
БЕРИЯ
У нас или у них?
СТАЛИН
У нас.
ПОПУГАЙ
У них.
БЕРИЯ
У нас — наш человек.
ПОПУГАЙ
А кто у них?
БЕРИЯ
Не знаю...
СТАЛИН
То есть как не знаешь!..
БЕРИЯ
Узна́ю, батоно!
СТАЛИН
А как?
ПОПУГАЙ
А как?
БЕРИЯ
А просто! Если пьесу запретят —
наш человек! А нет — боюсь, что ихний...
СТАЛИН
Лаврентий, кто у нас наш высший суд?
ПОПУГАЙ
Лаврентий, ты у них их высший суд?
БЕРИЯ
У нас или у них?
СТАЛИН
У нас.
ПОПУГАЙ
У них.
БЕРИЯ
У них — Верховный суд.
СТАЛИН
А кто у нас?
БЕРИЯ
У нас, товарищ Сталин, птица-тройка!
ПОПУГАЙ
У нас, товарищ Сталин, перестройка!
(в зал)
Встать! Суд идет! Заочный Страшный Суд!
Вы все — и подсудимые, и судьи!
И каждый судит сам себя! Себя!
И каждый пусть признается себе:
а вдруг во мне незримо дремлет Сталин?
А вдруг таится Берия во мне?..
СТАЛИН
Лаврентий, кто у нас наш Попугай?
БЕРИЯ
У нас кто хочет жить, все попугаи.
СТАЛИН
А кто у них?
БЕРИЯ
У них, товарищ Сталин,
все, как ни странно, тоже жить хотят!
СТАЛИН
Лаврентий, эту птичку отравить!
БЕРИЯ
Ки, батоно! Уже, товарищ Сталин!
СТАЛИН
Ты отравил его?.. Зачем?
ПОПУГАЙ
Зачем?
БЕРИЯ
Он сам себя немного отравил.
СТАЛИН
А чем?
ПОПУГАЙ
А чем?
БЕРИЯ
А просто — отравился!
Наверно, валерьянкой, батоно.
СТАЛИН
А почему ты сам еще не умер?
Я спрашиваю.
ПОПУГАЙ
Сосо, берегись!..
БЕРИЯ
Пей, птичка, пей!..
ПОПУГАЙ
Отравлен!.. Умираю!..
СТАЛИН
Подох?
БЕРИЯ
Подох.
СТАЛИН
Сацхали!.. Дэдико!..

Сцена 5

Берия лежит, как в финале первого акта.

СТАЛИН
Вставай, Лаврентий! Слышишь, вождь зовет!
(Прислушивается.)
Как будто дышит...
(Щупает пульс.)
Сердце бьется ровно.
Наверно, симулирует опять.
А может, просто обморок от страха?..
(Обыскивает.)
А это что такое?.. Пузырек?..
Написано по-русски «валерьянка».
Дурак поверит собственным глазам,
ученый на мышах поставит опыт,
а Вождь Народов классовым чутьем
вникает в суть предмета.
(Нюхает.)
Мерзко пахнет!
Конечно, яд!.. Так вот зачем ты шел!..
(Засовывает ему пузырек в другой карман.)
Что делать, мама, с черным человеком?
От яда и погибнешь!..
БЕРИЯ
Не хочу!..
СТАЛИН
Что у тебя в кармане пиджака?
Не в том кармане!
БЕРИЯ
В этом?
СТАЛИН
В этом, в этом!
БЕРИЯ
Лекарство... Валерьянка, батоно...
(Предлагает.)
СТАЛИН
(Берет пузырек.)
Хороший яд? Лаврентий, по знакомству
спиши рецепт. Бумага на столе.
Кого ты отравить решил, товарищ?
Случайно не отца?
БЕРИЯ
Да разве я
способен на подобное злодейство?
СТАЛИН
Ты гений или Член Политбюро?
Я думаю, что гений — это я.
Ты Член Политбюро, но ты не гений.
А если ты не гений, то с тобой
совместно и злодейство!..
(иронически)
Валерьянка?..
(Наливает коньяк и капает несколько капель из пузырька.)
При мне! До дна!.. Ты что так побледнел?
БЕРИЯ
Товарищ Сталин!..
СТАЛИН
Или снова — сердце?
Сацхали!.. Выпей — снимет как рукой...
Прощай, друг и товарищ! Пей, Лаврентий.
Здоровый организм не принимает?
А воля? Прояви при всех, прошу.
По высшему разряду похороним.
Колонный зал. На сцене твой портрет.
Почетный караул. Оркестр военный.
Министры отдают последний долг.
Товарищи и дамы. Все рыдают!
И шествуют на цыпочках послы,
как балерины из кордебалета!
Все, кто сидел, стоят, а ты лежишь,
незыблемо лежишь, невозмутимо
и взглядом их разишь уже *оттуда*,
как настоящий Черный человек!
Вот так!.. Не так... Вот так!.. А всё кругом
оцеплено, и выходы, и входы.
Твои ребята в штатском и в слезах,
и конная милиция в придачу!
Звучит Шопен, пенсне твое блестит
из гроба, как луч света в темном царстве,
и над тобою вождь скорбит — вот так!..
Красиво будет, слушай!.. А потом
прощальный залп из тысячи орудий
и женский плач в один протяжный вой
сольются. Все встают. Единогласно!
«Мир праху твоему!» — я говорю,
и люди доброй воли добровольно
подхватывают хором: «Миру — мир!»
Не беспокойся, лично напишу
и некролог, и надпись на могиле.
И памятник — на память! На века!
Из бронзы хочешь или белый мрамор?
Поставлю где-нибудь в ЦПКиО
пугать народ. А то для красоты
могу воздвигнуть на Центральном рынке.
Придешь в себя, понюхаешь цветы,
узнаешь, что почем сегодня в мире.
А может, постоишь на Лобном месте,
как призрак гуманизма? Я шучу.
Поставлю в крематории тебя.
С протянутой рукой. Как назиданье,
что все там будем... Руку протяни.
Не так!.. Вот так!..
Не так!.. Вот так! Не мрамор.
И бронза не подходит... Нет! Гранит!
Как символ твердой власти!.. Встань на стол.
Вождь говорит — не смей противоречить!
Ботинки не снимай!.. На, постели
сегодняшнюю «Правду»... Руку! Руку
немного подними... Еще чуть-чуть...
Чего дрожишь? Не падай духом, падаль!
Не ровен час, снесут!.. Не шевелись!..

Оформление Л. НАСЫРОВА.

ИСТОРИЯ С ВОДЕВИЛЕМ

Спецкор Крокодила о преемниках сталинской цензуры

Передо мной на столе — номер «Литературки» восьмилетней давности. Восемь лет для истории — срок ничтожный, но газета уже успела пожелтеть и пропитаться характерным архивным запахом. На последней страничке нахожу один из первых своих фельетонов, пробегаю его глазами и начинаю вспоминать...

По нынешним временам тема фельетона была в общем-то пустяковой: о том, как трудно, а порою и невозможно достать билеты в лучшие столичные театры. Я добросовестно исследовал проблему, встретился с администраторами театров, с работниками театральных касс и выяснил, что причина хронического дефицита билетов — непомерно разросшаяся бронь для всевозможных высокопоставленных чиновников и «солидных» учреждений. Недаром театралы называли ее «бронёй». После нее в кассах оставались буквально считанные билеты в лучшие театры...

В то время я увлекался литературными играми и был сторонником «фельетона формы». В моем активе уже были фельетон-письмо, фельетон-рассказ, фельетон-протокол собрания. Короче, я решил поиграть и здесь и задумал написать фельетон в форме стихотворного водевиля — одного из старейших театральных жанров.

В редакции фельетон-водевиль понравился, и его решили поставить в ближайший номер. Все шло гладко до самого последнего момента, когда до выхода номера в свет оставались считанные дни...

И тут в публикацию вмешался не кто иной, как В. В. Гришин, тогдашний первый секретарь МГК КПСС. Точнее, не он сам, а страх перед ним со стороны руководства газеты. В столичных журналистских кругах было хорошо известно, что Гришин не терпит критических замечаний в адрес Москвы — образцового коммунистического города. Нет, в какой-то мере они допускались в самой московской печати (надо же в конце концов хоть что-то критиковать!), но в центральной было почти что табу... Обо всем этом я узнал чуть позже, а тогда был сильно изумлен, когда за пару дней до выхода фельетона позвонил мой редактор и дрожащим от волнения голосом сообщил, что ведущий номера требует убрать все упоминания о Москве. «Но это невозможно! — вскричал я.— Снимайте фельетон!» «Поздно!— трагически выдохнул в телефон редактор.— Полоса уже сверстана, и заменить материал нечем... Может быть, поправим?» «Но там же стихи!» — попытался возразить я, понимая, впрочем, что спорить в подобных случаях бесполезно...

Без обычного трепета, скорее, со страхом вынимал я номер газеты из почтового ящика. То, что я увидел, превзошло все опасения. Мой бедный редактор поработал на славу. Судите сами:

было

ТЕАТРАЛ (заискивающе). Мне бы один билетик...
КАССИР. Нету!
ТЕАТРАЛ. Но...
КАССИР (перебивает). Вижу, что не в оперетту! Очки, куртенка наизнанку... Небось во МХАТ иль на Таганку?..

стало

ТЕАТРАЛ (заискивающе). Мне бы один билетик...
КАССИР. Нету!
ТЕАТРАЛ. Но...
КАССИР (перебивает). Вижу, что не в оперетту! Очки и пиджачок шикарный. Небось хотите в популярный?..

И так далее. Конкретный фельетон превратился в неконкретный, а конкретные московские театры — на Таганке, Сатиры, МХАТ — под ловким редакторским карандашом трансформировались в абстрактные «популярные», «хорошие», «эти». Была помилована лишь оперетта, но театры оперетты есть во многих городах, не только в Москве. В общем, все намеки на столицу из фельетона исчезли... Но более всего поразило меня другое:

было

К окошку Администратора подходит Мужчина в шляпе.
МУЖЧИНА. Мое почтенье, Пал Сергеич! Звонил вам Леонид Андреич?
АДМИНИСТРАТОР. Ах, Ленечка! Да, как же, точно! Ну, как там он, супруга, дочка?
МУЖЧИНА (удивленно). Простите, что-то здесь не так: он убежденный холостяк...

стало

К окошку Администратора подходит Мужчина в шляпе.
МУЖЧИНА. Мое почтенье, Пал Сергеич! Звонил вам Александр Андреич?
АДМИНИСТРАТОР. Ах, Сашенька! Да, как же, точно! Ну, как там он, супруга, дочка?
МУЖЧИНА (удивленно). Простите, что-то здесь не так: он убежденный холостяк...

Заметили разницу? Вместо Леонида Андреевича, придуманного мною без малейшей задней мысли, появился Александр Андреевич!

Оказалось, что этот «Леонид» едва не стоил моему несчастному редактору работы. Зам. главного редактора вызвал его на ковер и сказал так: «Леонида» немедленно убрать! И если еще хоть один «Леонид» когда-нибудь появится хоть в одном фельетоне, можете попрощаться с вашим местом!»

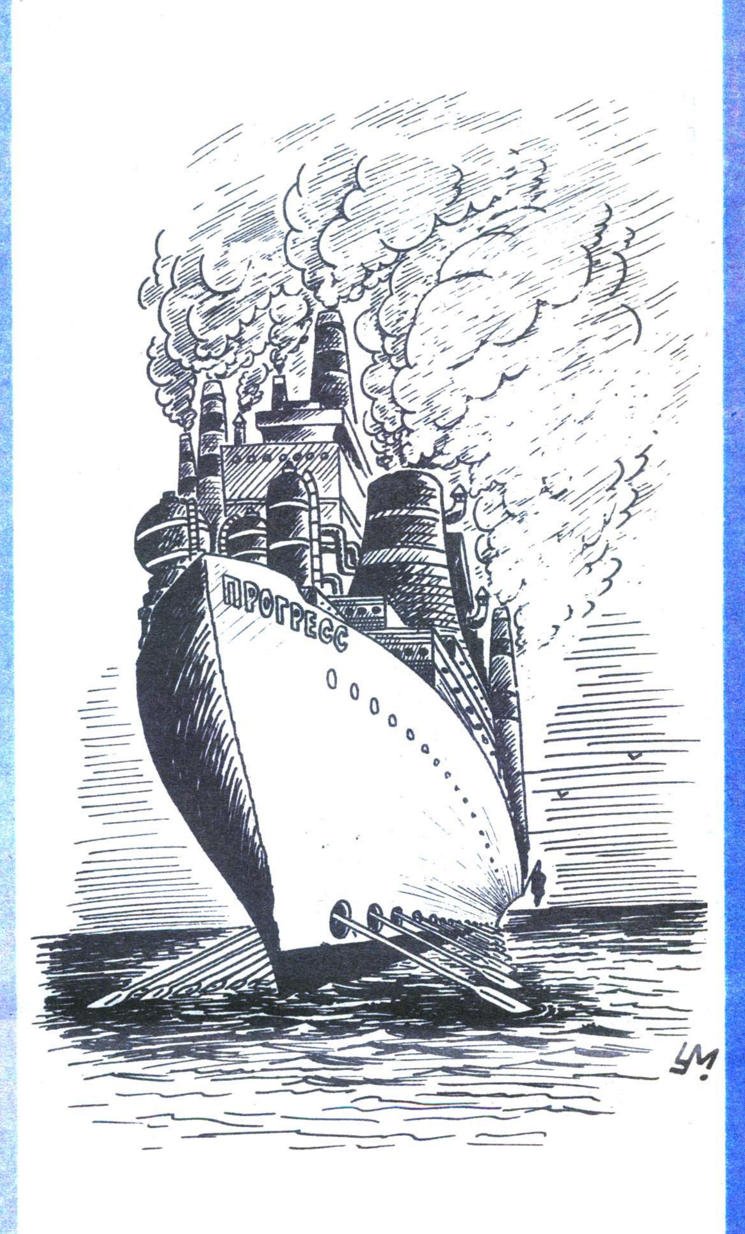
...Еще и еще раз я пробегаю глазами пожелтевшую газету — бумажный памятник совсем недавней эпохе застоя. Неужели все вышеописанное и впрямь происходило всего лишь восемь лет назад? И каждый раз, когда одолевает пессимизм, когда кажется, что перестройка движется слишком медленно, я вспоминаю эту водевильную историю и успокаиваюсь.

Вот только иногда свербит предательская мыслишка: неужели мы, такие умные и хорошие, жили при этом и все это терпели? Да, жили. Да, терпели. И потому не должны допустить повторения.

...Мое почтенье, Пал Сергеич! Звонил вам Михаил Андреич? Вот видите: напечатали. И слава богу!

В. ВИТАЛЬЕВ.

Примечание автора. Я не называю имен сотрудников уважаемой еженедельной газеты, дабы не обижать хороших и скромных людей, до сего времени работающих в ней, которые в застойное время, как и большинство из нас, были всего лишь винтиками идеологического аппарата.

А. УМЯРОВ.

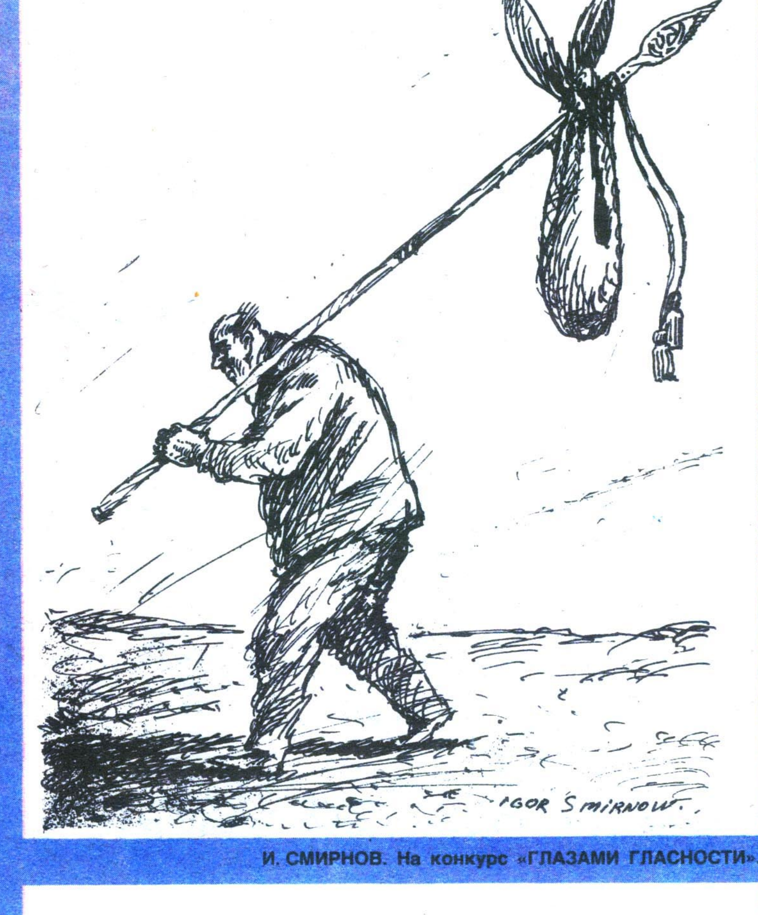

— А тех, кто строит в деревне коттеджи, потом будем называть кулаками?

В. МОХОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

И. СМИРНОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

В. ПОЛУХИН, В. ТИЛЬМАН (тема).

ПОДОГРЕВ СУРГУЧА

Фельетонист Крокодила постигает премудрости современного партийного бюрократизма

Наш «новояз»[1], это лингвистическое порождение Административной Системы[2], при всей своей кажущейся шершавой простоте подернут флером таинственности. Сколько раз вроде бы слышал я в этой земной юдоли словосочетания «наработать в разрезе выполнения постановления», «провести решение» или «готовить вопрос», но сокровенный их смысл каждый раз дерзко ускользал от моего пытливого, но неподготовленного рассудка.

Между тем я догадывался, что перечисленные фразеологические обороты — своего рода пароль в коридоры власти, что между «новоязом» и нашим обыденным языком пролегла некая социально-семантическая пропасть, над которой кружат пухоголовые вахтеры. Взять ту же категорию «вопросов». Подавляющее большинство трудящихся, как правило, их **задает.** (Классические примеры: «какой счет?», «что дают?», «за что боролись?» и «когда все это кончится?»). Относительно меньшая, но растущая часть населения вопросы **ставит.** Но **готовят** их только посвященные.

И я бы, конечно, никогда не узнал, **как это делается,** если бы в мои руки по счастливой случайности не попала небольшая (22 стр.) брошюра с грифом «ДСП», озаглавленная «XXXIV конференция Октябрьской районной организации КПСС» (Москва, 1988, тираж 75 экземпляров). Свидетельствую: кто бы ни **готовил** данный вопрос (я имею в виду подготовку и проведение районной конференции) — скромный ли аппаратный титан, пожелавший остаться неизвестным, или же коллективный разум группы товарищей,— он обладал феноменальной памятью энциклопедиста в сочетании с практической сметкой экспериментатора. О виртуозном владении «новоязом» я не говорю, это само собой.

Все учтено могучим ураганом, все расписано по минутам — от «сбора и инструктажа обслуживающего персонала (рабочие сцены, уборщицы)» и «указания об открытии дверей в зал» (7 часов 50 минут, ответственный Самарин) до «исполнения Интернационала» (21 час 30 минут).

Или взять «Работу со счетной комиссией». Хотя означенная комиссия должна приступить к работе только в 16.00, уже в 7.00 товарищам Ильяшенко и Кувалдину предписывается осуществить «проверку наличия необходимых материалов», а именно: инструкции, ящиков для голосования, сургуча, веревки, печати, бумаги, карандашей, подогрева сургуча, копировальной бумаги, пишущей машинки, протоколов и т. д. И уж только стопроцентно убедившись в «наличии подогрева сургуча», тот же вездесущий Кувалдин должен в 19.00 «проводить председателя на сцену для зачтения протокола № 1 и объявления порядка голосования».

Не менее скрупулезно разработаны направления «Работы с секретариатом». Тут достигнута высшая степень разделения функций: т. Тимохин, например, отвечает за «обеспечение подачи записок в президиум», а т. Блинкова — за «подачу записок из зала в президиум».

А вот что касается «Работы с комиссией по предварительному формированию состава выборных органов районной партийной организации», здесь не все ясно. Легкое изумление вызывает, например, такой пункт: «Наличие списков кандидатов, выдвинутых в состав районных органов, канцтоваров, доставка их в малый зал». Идет ли речь о двух категориях кандидатов, из коих одни выдвинуты в состав районных органов, а другие, напротив, в число канцтоваров?

Есть и другие загадки. Пункт 7 раздела III («Работа с делегатами и гостями конференции») предусматривает «обеспечение работы выставки», а к нему имеется примечание: «Во время голосования в 19.00—20.00 должен быть исключен проход на территорию выставки и в зал «Палехская комната». Мистерия какая-то. Почему нельзя в «Палехскую комнату», а тем паче на «территорию выставки» именно в период голосования? Дурная примета, что ли? А может, практика показывает, что делегаты конференции таким образом норовят уклониться от голосования? Не для того ли нужна пресловутая веревка, чтобы ею вязать и на ней вести участников конференции из «Палехской комнаты» в зал?

Но есть и простые для восприятия пункты брошюры. Например, 8-й: «обеспечение трансляции песен и маршей»: — проверил готовность к трансляции с 7.00 до 7.30, убедился в ней еще раз в 7.30 и транслируй себе. А твои товарищи в этот же промежуток времени проведут «инструктаж работников гардеробов».

Предела для совершенства, конечно, нет, и можно бы посетовать на то, что отдельные пункты все-таки проработаны не до конца. Написано, предположим, что группа товарищей в составе четырех человек осуществляет «посадку делегатов в автобусы и отправку на обед», а соответствующая детализация задачи отсутствует. Я бы добавил в скобках: «Автобус, шофер, тормоз, сиденья, колеса, повар, обед, колпак повара, подогрев обеда, столовые приборы и т. д.».

Полноте, да мыслимо ли браться за проведение столь серьезного и ответственного мероприятия, как районная партконференция, без четкого графика работы и разумного распределения обязанностей, спросят у автора. Ну, кто же станет спорить с очевидным? Единственное, против чего протестует естество,— это та легкость, с которой многие рациональные идеи доводятся до аппаратно-бюрократического абсурда (надо полагать, товарищи из Октябрьского РК КПСС тут не одиноки, и подобных брошюр по нашей бескрайней Родине в период отчетов и выборов издаются тысячи). Вот и становится ясным, отчего так неохотно и вяло сокращаются штаты партийных комитетов: скажем, сократи их, и кто тогда будет заниматься «обеспечением периодической смены стакана с чаем на трибуне конференции»?

В самом деле, кто?

Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
секретарь партбюро «Крокодила».

---

[1] © Джордж Оруэлл.
[2] © Гавриил Попов.

ЭХ, ЯБЛОЧКО...

Эта старая карикатура вряд ли нуждается сейчас в каком-либо комментарии сверх того, что сопровождал ее в «Крокодиле» в 1922 году:

«НОВЫЙ ПРОРОК ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫДВИГАЕМЫЕ ЭЙНШТЕЙНОМ, ПРОТИВОРЕЧАТ ФИЗИКЕ И ГЕОМЕТРИИ. МАЛО ТОГО, ОН ОПРЕДЕЛЕННО УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ГЕОМЕТРИЯ ЕСТЬ ПРОДУКТ МЫШЛЕНИЯ. ВСЕ ЭТО ВМЕСТЕ ВЗЯТОЕ СТАВИТ ЕГО НА ОДНУ ДОСКУ С ИДЕАЛИСТАМИ И ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЭТА ТЕОРИЯ ДАЛЕКА ОТ ПРОЛЕТАРИАТА И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ ЕМУ НЕ РОДСТВЕННА. ЭТА ТЕОРИЯ БУРЖУАЗИИ И БУРЖУАЗИИ ВЫРОЖДАЮЩЕЙСЯ».

О какой, собственно, теории идет речь, объясняет подпись к рисунку:

— А ЯБЛОКО НЬЮТОНА ВСЕ-ТАКИ ПОПАДЕТ ЭЙНШТЕЙНУ В ГОЛОВУ, БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

Единственное, что имеет смысл добавить: безвестному сотруднику Белоцерковской селекционной станции Главсахара Трофиму Лысенко в то время не исполнилось и двадцати четырех лет.

Яблочко, брошенное в голову буржуазного ученого Эйнштейна, упало недалеко от яблоньки, на которой четверть века спустя буйно вызрели плоды лысенковской биологии. Сам Трофим Денисович к этому времени окреп и стал прицельно бить по головам вейсманистов, морганистов и менделистов. Жалко суетятся на крокодильской карикатуре 1948 года классово чуждые профессора.

Говорят, что мы прозевали научно-техническую революцию. А может быть, ее просто закидали яблоками?..

П. РЭМ.

РАДОСТНАЯ ПЕСНЯ,

или Ностальгия по колючей проволоке

Вообще-то я и раньше подозревал, что до идеала мне далековато. А тут словно в зеркало взглянул, получив обширнейшую почту на свою публикацию «Письмо от Сталина» (№ 24). Если помните, там был взят под защиту наш художник В. Мочалов, который изобразил в карикатурном виде И. В. Сталина. Граждане, до сих пор почитающие вождя как бога, обрушили на голову В. Мочалова проклятия. Откликаясь уже на мое выступление, сталинисты в емкой ярлыковой форме создали коллективными усилиями, прямо скажем, гнусноватый портрет автора. Хорошенький же, оказывается, он субъект — просто плюнуть в него хочется! Или сдать его в колонию строгого режима для перевоспитания.

Начнем с политического облика автора.

Во-первых, он «отпрыск врагов народа», во-вторых, «недобитый троцкист-бухаринец», в-третьих, «диссидент», в-четвертых «тварь перестроечная». Чтобы сделать приятное своим обвинителям, которые помогли ему раскрыть на себя глаза, автор сразу признается, что в 37-м, когда Сталин порешил стольких шпионов и диверсантов, его родители, прекрасно зная, что собираются родить отпрыска врагов народа, проявив редкое коварство, сокрыли автора от ответственности и произвели на свет только два года спустя, когда основная волна арестов спала. Родившись и встав на ноги, автор — как ему теперь стало ясно — всю жизнь маскировался то под активного пионера, то под члена партбюро, оставаясь в душе злостным недобитком. И вот кульминационная точка его деградации: «тварь перестроечная».

Теперь об умственных способностях автора, да и всех, у кого Сталин не рождает в душе светлых чувств. Не любить Сталина, по мнению его горячих поклонников, может только «дебил», «дурак», «цыплячья голова», «умник», «горе-писака». Соответственно сами сталинисты все сплошь светлые головы, способные заткнуть за пояс нашу академическую науку. Нетрудно убедиться, что с точки зрения терминологической смелости уже заткнули. Судя по почте, каждый крокодилец, высказавшийся против тоталитарного режима, не только «тварь перестроечная», но и «сука», «сопляк», «тля», «подонок», «сволота», «паскуда».

В способах расправы со своими противниками наши разлюбезные сталинисты проявляют удивительную прыткость и живость ума. Я бы сказал, что, беря на себя почетные палаческие функции, они заметно приободряются, эмоционально вспыхивают, испытывают ни с чем не сравнимую радость от рожденной в их мозгу экзекуции. Они и вешают не разделяющих их воззрений журналистов, и расстреливают, и топят, как котят в мешке, и прибегают к менее распространенным видам убиения с использованием бытовых электроприборов.

В одном из писем предлагается отправить в возрожденные сталинские лагеря каждого второго жителя страны (ничего не поделаешь — к великому вождю охладели миллионы наших сограждан), в другом эта мысль осовременивается: «Да, в лагеря, но под жестким контролем народных депутатов». Таким образом наши избранники приобщаются к сталинской науке пригвождать и мигом решают продовольственную проблему: если полстраны отправить за колючую проволоку на хлеб и воду, оставшееся население уже не будет испытывать недостатка в продуктах.

На всякий случай художник В. Мочалов, из-за которого я ввязался в полемику со сталинистами, насушил сухарей и приготовил теплое белье. Мне белье вряд ли уже понадобится, судя по письмам, я персона, недостойная даже лагеря. Хотя Феликс Эдмундович Дзержинский (от его имени мне написал некто из города Георгиевска Ставропольского края) и настроен довольно миролюбиво по отношению ко мне, не настаивая на высшей мере, где гарантии, что завтра не поступят послания от Ягоды или Берии? А уж от них пощады не жди! От одного обратного адреса мурашки по коже побегут!

Не менее страшно осознавать, что в городе Краснодаре живет человек (он даже свой номер телефона указал), который каждое утро смотрит на портрет генералиссимуса и ритуально поет:

На просторах Родины чудесной
Закаляясь в битве и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Неуютно становится и когда читаешь гимн вождю, присланный с моей родины, из Новосибирска: «Ты был святыней для России, Сталин! О как светился Кремль в те годы, когда Ты правил всей страной! Ты краток был, и скромен, и разумен, и величав...»

Неуютно оттого, что никак не могут осознать наши корреспонденты: Кремль при Нем светился отблесками от инквизиторских костров!

Неуютно от всех этих песнопений, от ярлыков и угроз, которые, оказывается, благополучно донесены до наших дней. Чтобы и ты, читатель, мог прикоснуться к этому «роднику», печатаем некоторые из писем.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ.

Нужен сейчас именно Сталин, чтобы решить национальный вопрос и ликвидировать очереди и талоны. Только репрессия сейчас спасет страну. И она будет! Т. к. руководители среднего звена работать не хотят, а молодежь вышла из повиновения... Вот и решили молодежи забивать головы «сталинизмом». А всякие «Котлованы», «Дети Арбата» — это вымысел писателей. Мы, рабочие и служащие, жили и ничего не боялись.

В. Г. ИВАНОВА, г. Москва.

•

...жестокость, кровопролитие, репрессии проходили и исходили от НКВД, где хозяйничал Берия. От Сталина эти чудовища все скрывали... А были и настоящие враги народа.

Н. П. АНДРЕЕВА, г. Псков.

•

Вы никогда не вырвете светлый образ Сталина из наших сердец, потому что все, что вы пишете, ЛОЖЬ, и мы-то это знаем и говорим об этом нашим детям и внукам... Сейчас, когда кругом все рушится, никому мы уже не верим, убедились уже в том, что хрущевские выкормыши развалили социализм и нагло повернули к капитализму. Мы ЖИЛИ при Сталине, а теперь только влачим жалкое существование, которое нам дало поколение Хрущева...

ПЕТРОВА, г. Свердловск.

•

...что касается репрессий при Сталине, то общество становилось чище, избавляясь от скверны: жуликов, взяточников, казнокрадов, политических евреев-авантюристов. Да и не так уж много «пострадало». Реабилитировано 261 тыс. Сейчас из-за пьяного угара на дорогах гибнет почти столько же. Так что жив тов. Сталин. И вы можете махать рукой Горбачеву сколько угодно, а мы подождем.

В. СОКОЛОВ, г. Москва.

МИМОХОДОМ

Руки не связывать: пусть аплодируют.

Живущие в комнате ужасов боятся выйти из нее.

Уж лучше конь в сенате, чем ослы.

Повешенный всегда выше палача.

Чем больше армия, тем слабее государство.

А. ДАВИДОВИЧ, г. Воронеж.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1988-го...

Старый рабочий одного из новороссийских заводов нашел валявшийся бесхозный бюст Сталина. Привез домой и установил у себя в саду, выкрасив «серебрянкой», так как бронзовой краски под рукой не имелось. Когда фотокор попытался сфотографировать хозяина на фоне бюста, он запротестовал: «Что он мне, родня, что ли? Просто валялся, жалко». «Молчи,— сказала жена хозяина,— они из газеты, лучше тебя знают, что надо делать». Хозяин покорно сел на скамейку рядом с корреспондентом «Новороссийского рабочего». А неугомонные внуки без конца сновали по ветвям ореха, нависшего над серебряным Сталиным. В конце концов один из мальчишек зацепился ногами за ветку и повис вниз головой. Отчаянно лаяла огромная собака, норовившая ухватить фотокора страшными зубами. «Сиди, как велят»,— поучала жена хозяина, а сам он сидел покорно, скрестив огромные натруженные руки, и повторял: «Что он мне родня, что ли? Однако порядок при нем был...»

Вся ситуация напоминала сцену театра абсурда, картину Сальвадора Дали. Светило жаркое солнце, за забором слышны были шаги людей, спешащих на работу, где-то внизу, на берегу бухты, высился бетонно-мраморный мемориал, толпились туристы, экскурсовод цитировал Брежнева, а кто-то читал газетную статью о перестройке...

Марк ГРИГОРЬЕВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
г. Новороссийск.

ВИД ИЗ «ОКНА»

Крокодил внимательно следит за новинками политической сатиры в разных ее формах — в том числе и в рок-музыке. И отметил для себя появление на теленебосклоне новой группы с остросоциальной тематикой своих песен — «Окно». Достаточно назвать такие ее шлягеры, как «Иван Ильич», «Вчера опять от имени народа...», «Я прошу залитовать мои сны». Недавно лидер группы Андрей Лукьянов заглянул в нашу редакцию, и Крокодил задал ему несколько вопросов.

— Скажи, пожалуйста, Андрей, почему — «Окно»?

— Имя группы пришло случайно. Надо было идти записывать первые несколько песен на телевидении, а название не придумывалось. Жутко не хотели какой-то претенциозности. И тогда вдруг возникло «окно» — слово простое, короткое, и понятие связано со светом, чистым воздухом, перспективой, наконец. Словом, пришлось ко двору.

— Кредо группы — социальная злободневность?

— Только. И отсюда — моя сценическая «маска». Я ведь отдаю себе отчет, что манеру моего исполнения трудно назвать «пением» или «танцем». Я как бы «человек из толпы», один из зала, который вдруг вышел на эстраду и попытался сказать о наболевшем в такой вот форме. А вообще я по образованию юрист, долго работал в отделе кино «Советской культуры»... Зато музыканты «Окна» — профессионалы высокой пробы. Они же пишут музыку на мои тексты.

— Какого зрителя ты считаешь «своим»?

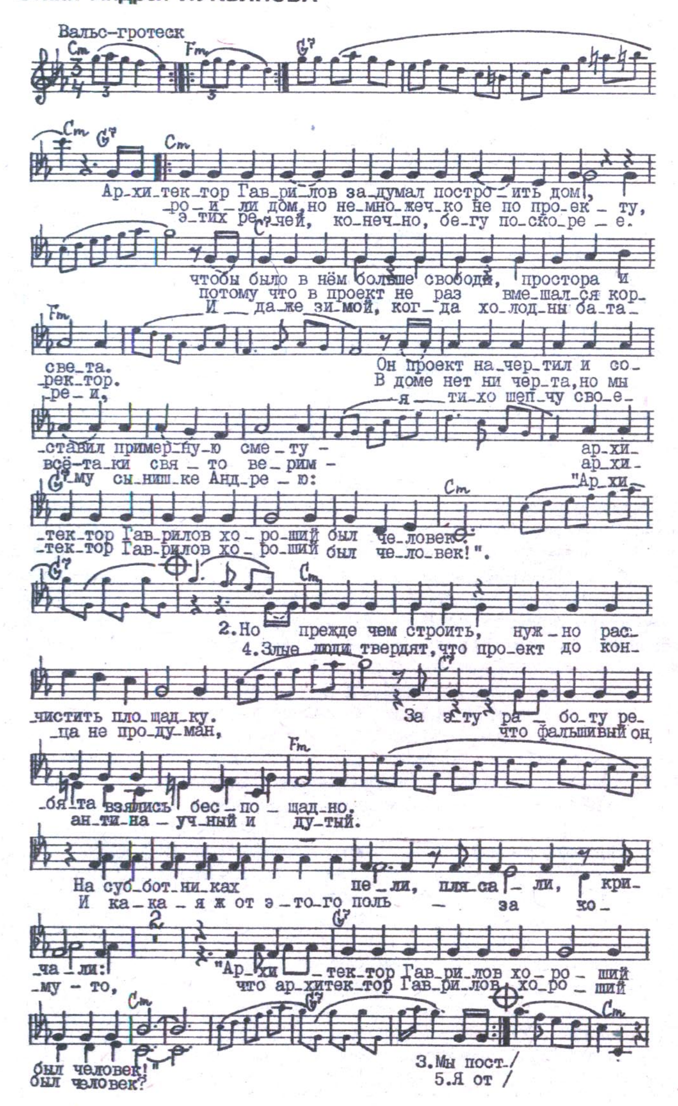
— Не знаю. Всякого. Но наибольший успех «Окно» имеет у студенческой молодежи и, как ни странно, у... детей!

— Какую свою песню ты порекомендовал бы мне напечатать в этом «сталинском» номере?

— «Архитектор Гаврилов». Она недавно прозвучала в программе «Взгляд». Мне кажется, ее идея соответствует замыслу вашего номера: что́ за Дом мы построили и что́ за корректор вмешивался в проект? И как Дом теперь перестраивать?..

АРХИТЕКТОР ГАВРИЛОВ

Музыка Давида ЖЕЛЕЗНЯКО,
Стихи Андрея ЛУКЬЯНОВА

Архитектор Гаврилов задумал построить дом,
Чтобы было в нем больше свободы, простора и света.
Он проект начертил и составил примерную смету:
Архитектор Гаврилов — хороший был человек!

Но, прежде чем строить, нужно расчистить площадку.
За эту работу ребята взялись беспощадно.
На субботниках пели, плясали, кричали:
«Архитектор Гаврилов — хороший был человек!»

Мы построили дом, но немножечко не по проекту,
Потому что в проект не раз вмешался корректор.
В доме нет ни черта, но мы все-таки свято верим:
Архитектор Гаврилов — хороший был человек!

Злые люди твердят, что проект до конца не продуман,
Что фальшивый он, дескать, антинаучный и дутый,
И какая ж от этого польза кому-то,
Что архитектор Гаврилов — хороший был человек?

Я от этих речей, конечно, бегу поскорее,
И даже зимой, когда холодны батареи,
Я тихо шепчу своему сынишке Андрею:
«Архитектор Гаврилов — хороший был человек»...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ! | В ЗАЩИТУ ТОВ. СТАЛИНА

Спрашивается: бывают ли случаи, когда сталинисты и антисталинисты могут думать одинаково? Раньше в редакции «Крокодила» считали, что не бывает. Но тут пришли три письма от читателей А. Константинова и Т. Миргинатулина (оба они из Перми) и Н. Булгакова из Новосибирска. Из конвертов выпали одинаковые этикетки — препарата для уничтожения насекомых, выпущенного ростовским «Эдельвейсом» (госпредприятием? кооперативом?).

И тут, на наш взгляд, независимо от симпатий или антипатий, двух мнений быть не может: перед нами образчик кича, спекуляции на «модной» теме. Следуя логике эдельвейсцев, можно теперь дойти до изготовления мышеловок с надписью «Радость Берии». Для таких явлений в русском языке есть одно очень точное и емкое слово: дешевка!

Со стр. 7.

ПЛОХО

Товстоногов рассказывал.

Как-то после войны Козинцев показывал свой фильм Сталину и пытался угадать его впечатление. Вдруг вошел Поскребышев, передал записку, посветил фонариком. Сталин буркнул: «Плохо». Козинцев потерял сознание. Сталин сказал:

— Когда очнется этот хлюпик, скажите ему, что «плохо» относится не к фильму, а к записке. Товарищу Сталину весь мир говорит «плохо» — не падает же Сталин от этого в обморок.

ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

— Товарищ Сталин, в городе N есть человек, очень похожий на вас. Прическа такая же, рост, усы.

— Ликвидировать.

— А может быть, просто побрить?

— Можно и так.

БРАТСТВО ПО ДУХУ

Когда брат Лазаря Кагановича Михаил, обвиненный во вредительстве, застрелился, в Киеве арестовали его второго брата. Из Киева Лазарю позвонил взволнованный родственник:

— Лазарь, спасай брата!

Каганович ответил:

— У меня нет брата. Мой брат — товарищ Сталин.

КВК «АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНЫЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Тот, кто вел кратким курсом. 6. Недавно устаревший способ борьбы с «вредной» литературой. 8. Шестое чувство, отличавшееся глубиной. 10. Решающие всё. 11. Рабочее место кормчего. 13. Политический деятель, он же известный литератор, полководец и коллекционер автомобилей. 15. Человек, которого нельзя терпеть рядом (соцсоревноват.). 18. Неизгладимый след после очередного отчетного доклада (брежневск.). 19. Идеалистическое понятие, на которое исчисляют материальную продукцию (которой у нас все еще мало).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Булгаковский герой, пролежавший в столе до «оттепели». 2. Средство разложения человека по пунктам. 4. «Чудесница». 5. Люди, которых у нас нет (сталинск.). 7. Недомогание от сплошной коллективизации (успешн.). 9. Приспособление, с помощью которого п.3 пускал дым в глаза. 12. Политический деятель, приверженец п.4. 14. То, что сначала снимали, а потом ставили. 16. То, что сначала ставили, а потом снимали. 17. Демонстрация перед демонстрацией (военн.).

Составили М. МЕШМАН, А. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Невесомость. 7. Бараны. 9. Граната. 10. Будка. 12. Сказка. 13. Кость. 14. Неликвид. 16. Паровоз. 18. Рокировка. 19. Атлантида. 21. Колесо. 22. Трагик. 24. Арап. 25. Комар. 27. Завмаг. 29. Флюс. 30. Караван. 31. Солома.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Зубы. 2. Ананас. 4. Ворота. 5. Сено. 6. Матрос. 8. Рундук. 11. Извозчик. 13. Концерт. 15. «Лейка». 16. Пороховница. 17. Билетик. 20. Дразнилка. 22. Тигр. 23. Горазд. 26. Мрак. 28. Месса.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ТОСТ КРОКОДИЛА

Друзья!

Вы прочли этот номер. И, надеюсь, задумались — и о силе сталинщины, и о цепкости ее корневой системы, и о том, как нам двигаться дальше. И куда.

Лично для меня, закоренелого оптимиста, тут вопроса нет. Я за социализм. Но не казарменный, а обновленный, демократичный. Я считаю, что классики верно указали основную тенденцию развития человечества: от эксплуатации — к социальной справедливости. Ну, а конкретные пути, очевидно, у каждой страны свои. Будем спорить. Будем сотрудничать. Будем учиться друг у друга!

Сталинщина сильна. И когда стремятся задушить кооперацию, я вижу одобрительную улыбку Генералиссимуса. И когда считают отступлением от социализма разгосударствление предприятий, а крестьянам на каждом шагу чинят «арендные» преграды, мне мерещится над головами некоторых народных депутатов дымок от Его трубки. И когда иные ретивцы пытаются интеллигенцию противопоставить рабочему классу, в моих ушах звучит голос Кобы: «Верной дорогой идете, товарищи!»

Сталинщина сильна. Нам ее последствия расхлебывать и расхлебывать. Но никто за нас это не сделает.

Завершая номер, я хочу провозгласить тост во славу перестройки. Если бы не она, не было бы ни очистительной демократизации, ни гласности, ни Съезда депутатов, ни обновленного Верховного Совета, не было бы в конце концов этого номера. Да, конечно, трудностей выше крыши. Кто возражает? Я это вижу, знаю — и по себе самому, и из писем моих читателей. Буксует экономическая реформа, бюджет зияет дырами, как дуршлаг, кипят союзные республики, технический прогресс никак не желает ускоряться, полки магазинов пустуют, зато, увы, не пустуют от наших граждан консульства зарубежных стран... Говорят, что утрачен генофонд наций... Не это ли последствие сталинской политики? Горько думать о подобных вещах, но не в моих, крокодильских правилах закрывать глаза на трудности. Я не намерен подымать кверху лапы. Время наточило мои вилы под более острым углом. Будем же всем миром искать вместе выход, путь возрождения нашей страны.

Навались, мужики!

Номер готовили члены молодежной редколлегии: Ю. БЕЛЯВСКИЙ, В. ВИТАЛЬЕВ, М. ГРИГОРЬЕВ, М. КАЗОВСКИЙ (отв. редактор), Р. ПЕТРОВ, Л. ФЛОРЕНТЬЕВ.

КРОКОДИЛ

№ 35 (2655)
декабрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 09.11.89.
Подписано к печати 16.11.89.
А 00409.
Формат бумаги $70 \times 108\frac{1}{8}$.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 108).
Зак. № 1533.
Цена 30 коп.

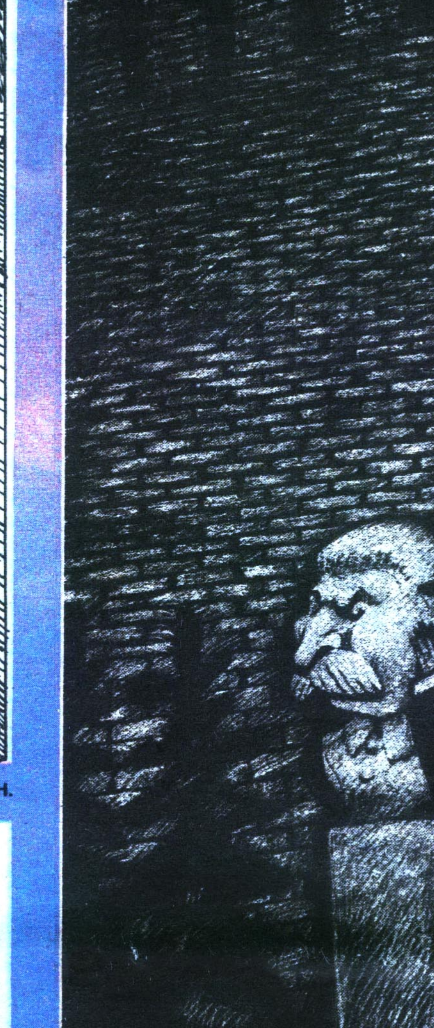
НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1861

Б. ЗЕНИН.

В. МОЧАЛОВ.

И. НОВИКОВ.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Цена 30 коп. Индекс 70448.